
ЛЕКСИ ТОРН
Одна жизнь
НА ТРОИХ

Лекси Торн
Одна жизнь на троих

https://litres.ru/74812958

Аннотация

Я думала моя жизнь изменилась, стоило мне только подпустить к себе двух мужчин и перестать обращать внимание на предрассудки. Но я ошибалась…Всё только начиналось. Двое мужчин…две полоски на тесте…два неправильных решения… и одно сердце на троих.

Внимание! На книгу будет открыта подписка!

Содержание

Каролина	4
Каролина	9
Тай	20
Каролина	27
Тай	33
Каролина	40
Каролина	47
Каролина	55
Каролина	63
Каролина	69
Каролина...	75
Каролина	81
Ванечка	90
Каролина	97
Каролина	105
Каролина	111
Тай	118
Тай	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Каролина

-Привет беременным!

Да, чтоб тебя мухи покусали…

-И тебе, здрасьте. Не надоело ещё? – скидываю влажное, от снега, пальто.

Зима свирепствует. Видимо решила закопать человечество в снегу, а врачей в работе. По-другому не объяснить то, что происходит за окнами ИЦХ.

«Инновационный центр хирургии» - это мастистая, полностью укомплектованная клиника, с волшебными хирургами.

Причём «волшебные» у нас не только руки, но и головы. Иногда…

-У меня, между прочим, стресс на фоне придурковатого пациента, из-за этого и гормоны шалят. Задержка, то-сё, - стягиваю бадлон, и решаю снять ещё и лифчик. Сутки в этой адской штуке хуже, чем двенадцатичасовая операция. – А вот ваша язвительность, Ольга Игоревна, вылезла из нифига.

-Почему это? – подкидывает мячик, лежа на диване. – Это всё з-зависть, моя дорогая. Меня-то не трахают двое лучших врачей клиники.

-Боже, - закатываю страдальчески глаза. – Почему лучших-то? Никифоров тоже лучший. И Городецкий. Забирай.

Перебираю в голове всех врачей. В ИЦХ все лучшие,

обычные врачи сюда не попадают. Но мы с подругой отбираем по одному определённому критерию – самцовость!

Именно её Оля разглядела в Тае и Ванечке, и обозначила этим словом, а я такая подруга-сука захомутала их двоих. Сразу!

Ну, а как тут устоять, если самцовость этих мужчин, словно из другой галактики. Она определяется не размером полового органа, не бицепсами, и даже не поступками, а мужицкой аурой. Именно мужицкой, хотя слово странное.

Чёрт!

Прикладываю подушечки пальцев к мочке уха.

-Обожглась? – участливо спрашивает Оля.

-Мхм, - дую на ожог.

Вот только не хватало мне на полдня потерять чувствительность пальцев из-за глупой неуклюжести. У меня сегодня три плановые до обеда, а потом, если повезёт – домой.

Растираю большим пальцем по указательному и среднему пантенол, и чувствую лёгкое покалывание. Отлично! Отставить панику, жить будем.

Так о чём это я?

Ах да! Самцовость. Она, как оказалась находится в ауре мужчины, и она либо есть, либо её нет. Вот Тай и Ванечка наделены с лихвой, а остальные наши хирурги…По пятибалльной шкале…твёрдые четвёрки. Недотягивают до уровня моих мужчин.

-Так ты тест собираешься делать? – отбирает у меня круж-

ку с кофе. – Тебе пока нельзя. Вдруг там маленький Таечка и Ванечка.

-Тьфу на тебя, - закатываю глаза, психуя.

-Маленький Тайванечка, - мечтательно возводит глаза к потолку. Дурачится.

-Как дитё, - смотрю на неё с упрёком.

-Господи, да сделай ты его уже и всё! – с садистским удовольствием прямо передо мной пьёт мой же кофе.

-Ну ты и… - прищуриваюсь, испепеляя хамовитую подругу. И иду к двери. – Коза!

-От козы слышу, - машет мне в след. – Без теста не возвращайся!

Овца!

Хочешь тест – получишь! И отвалишь. Потому что я не беременна.

Не-а…не беременна…ведь не беременна?

Но сила самовнушения хороша только при выступлении перед публикой, в конкретно моём случае вдохновляться уже поздно…

Судя по симптомам у меня, где-то четвёртая-пятая неделя. Усталость, нервозность и ощущение «морской болезни» не покидает последние четыре дня.

Вашу ж мать!

-Тест на беременность, пожалуйста, - говорю нервно, не глядя на фармацевта, так как за время пока шла в аптеку накрутила себя до отметки «бежим нахрен от проблем, они

сами решаться как-нибудь».

-Какой?

-Желательно отрицательный, - ляпаю свои мысли вслух.

То ли мне кажется, то ли в её голосе явный упрёк звучит. Хотя, почему кажется, в клинике меня не обсуждают только мёртвые, а так как их здесь мало, то…да, не кажется, сто процентов осуждает.

Галина Фёдоровна демонстративно тяжело вздыхает и смотрит на меня так, словно я не ведущий кардиохирург в клинике, а недоношенный ребёнок, которого слегка уронили при рождении.

-Каролина Андреевна, чтобы тест был отрицательный, надо предохранятся, - нравоучительно говорит.

Не объяснять же ей, что мы предохранялись…Только кто-то наверху решил пошутить и вот…

У кого-то на новый год амуры дырявят сердца, у меня же черти – презервативы.

-Струйный, пожалуйста, - бросаю нетерпеливо, поглядывая в сторону выхода.

Потому что прямо за мной шёл Тай, и не дай Бог, он решит заскочить к нам на огонёк. К такому трэшу я ещё не готова.

Во-первых, не хочется объяснять на кой хрен мне нужен тест, а во-вторых, сегодня ночью эти двое словно с цепи сорвались. Измотали изверги. Поэтому я по-тихому сбежала ни свет ни заря.

Быстро расплачиваюсь картой и озираясь по сторонам бе-

гу назад в комнату отдыха.

-Если ты без трофея, двигаться не буду, - бурчит подруга, не открывая глаза.

-С трофеем.

-Ооо, - мгновенно оживает полудохлый труп. – И чего встала? – стреляет глазами в сторону уборной. – Жги!

Каролина

-Что-то не хочется, - отмахиваюсь нервно.

Не хочется – это конечно же враньё, я просто вот-вот упаду в обморок от передоза кортизола.

Мне страшно. Ну, и стыдно немного. М-да, хоть анекдот слагай.

«Трахались три врача с резинкой и забеременели…» Идиотская ситуация – идиотский юмор.

Но вот если мой юмор можно списать на то, что он чёрный, то залёт…только на отсутствие мозгов. А как такое может быть, если сексом занимались ведущий торакальный кардиохирург, трансплантолог и общий хирург. Мозги где?

Где я себя спрашиваю!?

Планировала ли я беременеть? Ну, когда-нибудь потом, да.

Хочу ли я ребенка сейчас? Нет, конечно!

Моя жизнь сказка! Ну, за исключением сплетен. Но даже из-за них я не перестану спать с моими мальчиками.

Готова ли я к ребёнку? Вечно орущему…писающему…какающему…жрущему…

Оу, тебя понесло, Каролина Андреевна. Ты прям сейчас истинный врач! Такой, знаешь, купивший корочку в подземном переходе…Писающий, какающий…кошмар!

Это, между прочим, естественные процессы, и многие ма-

мочки кайф от этого ловят.

Извращенки!

Я к такому не готова!

-Иди! – непререкаемо тычет в сторону врат моего личного ада.

Чертыхнувшись, влетаю в туалет. Распечатываю и интуитивно, на автопилоте выполняю необходимые действия.

С чувством выполненного долга выхожу к Оле.

-Ну? – смотрит, ожидая ответа.

-Оль, ну ладно я, - хмыкаю нервно. – На этой почве деграднула немного, но ты-то? Жди пять минут.

Падаю рядом на диван и прикрываю глаза.

Устала.

Ну вот, и ещё один симптом подъехал. Или я себя накручиваю?

-Сколько прошло? – толкает в бок.

-Две минуты, - смотрю на наручные часы.

Была б моя воля вообще бы не смотрела на результат, но эта женщина не позволит.

А смена только начинается…

-Я пошла, - подскакивает с места. – Или ты хочешь сама?

-Пофиг. Смотри.

На самом деле не пофиг, но моё тело словно окаменело. И с медицинской точки зрения я даже могу обосновать своё поведение, но…сейчас я просто хочу быть фикусом, которого никто не трогает.

-Чёрт, Лин, - в проёме появляется подруга с тонкой полоской в руках. – А кто отец?

-Положительный? – восклицаю, будто для меня это реальный сюрприз.

-Ты удивлена? – ошарашено смотрит на моё перекошенное лицо.

-Э-э…нет, - выдыхаю и падаю на диван обратно. – Чёрт.

-Да ладно. Любая была бы только рада забеременеть от таких мужиков! А ты? – обвинительным тоном заканчивает нести ерунду.

-Что за привычка вечно сравнивать? – срываюсь на подругу. – А я другая. Ясно? И я не хочу ребёнка. Не-хо-чу! Зачем он мне сейчас? Я только жить начала. Для себя!

-Ты чо дура? Будешь делать аборт? – взвивается Оля.

-Не знаю, - закрываю глаза, чтобы прекратить агонию и этот дебильный, никому не нужный разговор, но…это же Оля.

-Охренеть ты, Каролина Андреевна, дура, - выдаёт расстроенно. – Подумай хорошо. И им расскажи, может хоть у них мозги есть. Хотя-я…трахаться без резинки…тоже мне врачи, блять.

Даже не реагирую на некорректное заявление о резинке. Была она. Была…только…не сработала. Что, собственно, очень странно.

Слышу, как за ней закрываются двери, и позволяю гулкой, давящей тишине обнять меня полностью.

Раннее утро в клинике – это всегда почти райская часть дня. Пациенты спят, так же, как и дежурные врачи, лишь иногда медсестры шарахаются по коридорам.

Открываю один глаз и смотрю на свой живот.

Плоский…

Совсем ничем не примечательный. А будет огромный и с растяжками.

Да, будет…потому что беременность – это гормональный сбой, лактостаз, геморрой, выпадут волосы, зубы…Боже-е…

Подскакиваю, как ужаленная, не в силах усидеть на месте.

И это только физический вред! А ещё есть психологический, депрессия, например, отвратительный внешний вид.

Так, мне срочно надо кого-то покрошить…

Надеваю халат и выхожу из укромного уголка, куда все приходят отдохнуть от шума и вечной суеты.

-О! Каролина Андреевна! – зовёт старшая сестра.

Нехотя поворачиваюсь. Сейчас меня раздражают все. И вовсе не потому, что я беременна, а…

Чёрт! Я – беременна!

Как к этому привыкнуть?

-Да? – голос просел и хрипит, приходится прокашляться и сосредоточиться на лице Любы.

-Вас зав ищет, - взволнованно оповещает.

-И что ему понадобилось, ты конечно же, не знаешь, - склоняю голову.

Люба знает всё! Мимо неё ни одна мышь не проскочит, ни

один пациент не выпишется и не умрёт. Она ходячая история клиники, хотя работает всего девять лет.

-Ну-у, - хитро улыбается. – Там приехал губер. Говорят, у его любовницы проблемы с сердцем.

-Разбил что ли? – хмыкаю скабрезно.

Я сейчас вообще не совсем адекват и пускать меня к таким личностям не стоит, но рассказать об этом пока не могу, поэтому…терпите мои закидоны.

-Вам виднее, вы же у нас по сердцам…мужчин, - заискивающе смотрит в глаза.

Вот же стерва…

-И ты туда же, Люб? – не выдерживаю.

-А что я-то? Просто сказала, - пожимает плечами и в глазах появляется стыд.

Вот так «просто сказала» с недавних пор нас обсуждает вся клиника. Первые дни хотелось уволится, но Ванечка поддержал и поставил на место всех сплетников, теперь говорят только за глаза или же намёками. Как Люба.

Всех…или почти всех…Главврач до сих пор свирепствует и грозится уволить. Только для того, чтобы уволит трансплантолога и торакального хирурга сначала им надо найти замену и обосновать на совете директоров по какой причине состоялось увольнение.

Пока мы с Ванечкой в безопасности. А Тай…таких, как Тай вообще не увольняют.

Я промолчу о его статистике в операционной – где такого

найти, чтобы из, грубо говоря, сотни операций, летальных только две? Нигде. Не руки, а золото!

И его носят на руках, и очереди выстраиваются…Ну и плюсом, конечно же, является его внешность. Колоритная.

Высокий брюнет, с густой шевелюрой уложенной в художественном беспорядке, за которую так удобно держаться во время интима. Широкие, мускулистые плечи, рельефный, вылепленный торс с шоколадными сосками абсолютно без волос и стройные, накаченные, поджарые ноги…

Пожалуй, его ноги мой личный фетиш. Потому что Ванечка почти такого же роста и сложения, но ноги не столь тренированные. И кожа…Она тоже наркотик для меня. Тай смуглый, с глянцевой кожей, пахнущий одеколоном с древесными и цитрусовыми нотками – жёстко и будоражаще. А Ванечка другой, он пахнет ментолом и табаком. Вкусный до жути.

-Каролина Андреевна? – зовёт Люба. – Вас вызывают.

И я только сейчас слышу звонок рабочего телефона.

-Чёрт, - унесло меня в мысли о моих мужчинах. – Где она?

-В приёмной ещё.

Несусь к лифту, едва не сбивая на пути персонал. Как бы не относилась к главврачу, свою работу я выполняю на все сто.

Второй звонок поступает на телефон, когда створки лифта открываются на первом этаже. А это значит, что пациенту стало хуже.

-Что тут у нас? – влетаю в первую смотровую.

Сразу замечаю моего Тая и то, что никто из присутствующих явно не умирает.

Отлично, меньше суеты.

Улыбаюсь лично для него, особенной, нежной улыбкой. Сегодня мы ещё не виделись. Я выскользнула из тёплой постели, когда мои мужчины спали глубоким, спокойным сном и уехала в клинику.

-Кристина Дмитриевна Звягинцева, двадцать четыре года, поступила с жалобами на головную боль, тошноту, головокружение, - быстро озвучивает медбрат.

-Добрый день, я Каролина Андреевна, торакальный кардиохирург. Приподнимите кушетку, - последнее говорю медсестре.

Возвращаюсь к пациентке, провожу пальпацию.

Красивая девушка, не многим младше меня. Неужели нельзя найти кого-то более подходящего, чем старый, лысеющий губернатор с женой в запасе?

Прикладываю стетоскоп и рассматриваю её…а она, сука, рассматривает моего Тая. Вот же…баба! И уже ничего не болит. Дырявит его шикарный торс своими круглыми глазищами не стесняясь.

Ревность вскипает во мне, словно проснувшийся вулкан. Неожиданно и без тормозов. Но вместо того, чтобы выцарапать её похотливые глазюки, даю распоряжение медперсоналу.

-Для исключения поражения органов, проведём полное обследование пациента, - говорю громко, чтобы и эта курица слышала. – Сделайте ультразвуковое исследование, сцинтиграфию и электронно-лучевую томографию почек и почечных артерий.

-Принято. Поехали, - снимает с тормозов кушетку Аня и выкатывает эту горе-пациентку из смотровой.

Остаёмся в небольшом помещении с Таем вдвоём.

Смотрит на меня своим нечитаемым взглядом. Но я лишь складываю руки на груди и смотрю на него с вызовом.

-Ты ушла рано, - это не упрёк и даже не вопрос.

Это называется – прощупать почву.

Он видит, что я злюсь, но не понимает за что и пытается вывести меня на эмоции.

Этот трюк Тимур Алексеевич Измайлов, он же Тай, испытывает на мне каждый раз. Но именно в этот – не прокатит.

Сощуриваю глаза, продолжаю молчать.

Стоим так ещё пару минут, а после слышу шумный, натужный выдох.

-Ну, всё, что случилось, Каролин? – сдаётся, подходит вплотную.

-Эта курица тебя глазами трахнула, а ты делаешь вид, будто не заметил, - делаю шаг назад, когда он тянется руками, обнять меня.

-Да? И правда не заметил, - соглашается спокойно. Тай вообще не пробиваемый на эмоции. Почти. Мне иногда уда-

ётся достать его так, что он показывает зубки. – Знаешь почему?

-И почему? – спрашиваю ехидно.

-Потому что рядом была ты. Самая красивая, единственная женщина, которая мне нужна, - таю от нежных слов, как мороженное.

Тимур, пользуясь моим замешательством, притягивает к себе и целует в шею, жадно вдыхая мой запах.

Льстец. И я тоже хороша, растаяла от пары слов.

Да, но и завелась я из-за пустяка.

Господи, неужели это уже гормоны шалят?

В мгновение деревенею в его руках.

Я же беременна!

-Ты чего? – тут же ощущает моё изменение Тай. Хмурится, вглядываясь в лицо.

-Ничего, - отмахиваюсь.

-Хорошо, - недоверчиво смотрит, но ничего не говорит. – Домой во сколько?

-Три операции, надеюсь к трём освобожусь. А ты?

-Думаю и я к трём освобожусь, - подмигивает.

-Ванечка спит, да? – завистливо спрашиваю.

У него сегодня выходной.

-Нет, умотал утром по делам. Сказал позвонить, он нас заберёт на своём снегоходе.

-Было бы отлично, - выходим из смотровой и движемся к посту медсестры. – Я такой зимы не припомню, если честно.

Расходимся каждый на свой этаж. Но перед этим со вкусом сладко целуемся в лифте, пока никто не видит. Ну, как никто…камеры не в счёт, охрана и не такое видела, так что…

Первые две операции проходят на удивление быстро и без проблем. А вот третья – замена клапана, приносит неприятный сюрприз.

Минимально инвазивная операция с передовым оборудованием и моими волшебными руками, становится многочасовой операцией на открытом сердце из-за образовавшегося тромба и как следствие кровотечение.

Выхожу из операционной уставшая и голодная, как волк. Сажусь на лавочку, рядом со своим шкафчиком, опираюсь головой о дверцу.

-На сегодня всё? – открываю один глаз и расплываюсь в улыбке.

-Ванечка, - дотрагиваюсь до густой двухдневной щетины. – Забери меня домой.

-Поехали, Тай уже давно готов.

Спускаемся в подземный паркинг. Огромный Ровер стоит недалеко от выхода и грозно урчит, прогревая салон.

-После вас, - шутливо кланяется, открывает двери.

-Благодарю, - сажусь и тут же оказываюсь в кольце рук Тая.

-Ну привет, ревнивица.

-Ай, - взвизгиваю, ощутив болезненный укус в скулу. – Зачем?

-Чтобы в себя пришла, - отбирает сумку и закидывает на переднее сидение к Ване. – А то вздумала меня ревновать к этой овце малолетней.

Поднимает мои ноги, самостоятельно снимает сапоги с высоким каблуком, и начинает массировать ступни, а я прослеживая траекторию их полёта за сумкой, отмечаю, что скоро их не смогу носить из-за отёков и неустойчивости. Потому что беременным падать нельзя.

Господи, у-у-у…

-Иди сюда, я соскучился за целый день, - тянется к моим губам. И я не могу отказать ему, потому что эти двое – мой личный наркотик, мой адреналин, мой фетиш.

Рада приветствовать в моей новой книге! Если вам понравилось начало, не забудьте положить книгу в библиотеку и нажать звёздочку, а также подписаться на меня)

Тай

Чуть сильнее, чем следовало бы, сжимаю узкие, изящные стопы. Они буквально утопают в моей ладони. Хрупкость этой девушки, натурально сводит с ума.

Даже специальность у неё фантастическая.

Кардиохирург…

Каролина, пожалуй, единственная женщина-врач, которая по праву занимает своё место. Находится именно там, где должна быть.

При первой совместной операции, я увидел то, что до этого не доводилось. В своих маленьких ручках, она держала почти не работающее сердце. Как богиня… заставляла его биться.

Умная, талантливая и добрая…Устоять передней смог бы только мёртвый…А я живой и дико голодный военный хирург.

Касаюсь терпких сладких губ. Облизываю, стараясь не спешить, но близость с ней каждый раз выключает к херам мои мозги. Заносит на поворотах в грубость, резкость…но она принимает без возмущений, с таким же голодом пожирает меня.

-С ума сводишь, солнце, - разрываю поцелуй.

На губах её вкус…мягкий, ванильно-клубничный…

Сгребаю в охапку, переставая довольствоваться малым.

Ноги, конечно, у неё шикарные, но мне необходимо её тепло, энергетика, которая исходит только от этой девушки.

-Эй, - Иван поправляет зеркало заднего вида, и смотрит возмущённо на то, как я покрываю поцелуями лицо Каролины. – Нет у вас совести.

-И стыда, - тяну бадлон выше, открывая сначала животик с аккуратным пупком, а затем и мою любимую роскошь.

-Тай, - выдыхает сексуально моё армейское прозвище, которое уже стало именем. – Боже…

Выгибается в моих руках и сладко стонет, когда я обхватываю губами грудь.

-Без лифчика, - рычу, зализывая напряжённые соски. – Ай-яй-яй, буду ругаться, Рыжик.

-Только молча, - стонет, зарываясь маленькими ручками в мои волосы. – Не отвлекайся…

И я готов мурчать, как кот от этой незамысловатой ласки. Она даже гладит волшебно…

-А заболеют? – прихватываю несильно зубами твёрдый шоколадный камушек.

С пошлым звуком выпускаю уже влажную от моей слюны грудь.

-Она совершенна, - сминаю, как одержимый, жадно разглядывая.

Мало…не Каролины, а времени, проведённого с ней. Работа отнимает безумное количество времени, и на себя остаются крохи. Так рано, как сегодня, мы попадаем лишь в еди-

ничных случаях. Поэтому приходится ловить нашу девочку и ублажать там, где придётся.

Сегодня это машина и дом, а завтра…будет какой-нибудь укромный уголок в клинике.

И я, и Иван, против секса на рабочем месте…были. Пока в нашу жизнь не ворвалась эта рыжая фурия.

Хотя если так подумать, то это мы вломились к ней и без лишних колебаний забрали себе это солнышко.

Пробираюсь в штаны. Они мешают. Узкие и жёсткие.

-Ненавижу твои джинсы…

-Скини… - выдыхает со смехом.

-Пофиг, носи юбки. Шерстяные.

Мелодичный смешок обрывается, едва проскальзываю за кружево трусиков и погружаю палец во влажную плоть.

-Ох, мать твою… - закатываю глаза, переживая разряд тока, бегущего по позвоночнику.

-Добрался, блять, - злится Иван.

Но злится по-доброму, и лишь потому, что тоже голодный.

Издаю короткий победный смешок и засовываю язык в сладкий, горячий рот, а палец в тугую дырочку. Несмотря на неудобное положение и стеснённые обстоятельства, доставляю удовольствие и ей, и себе.

Кайфую, глядя на влажные, приоткрытые губки…Они у неё такие блять…пухлые, всем девушкам на зависть…

Ловлю сбитое, судорожное дыхание ртом, вдыхаю её вы-

дох. Сдохнуть готов ощущения рассыпанных мурашек под второй ладонью. Реакции тела, которые выдают чувства хозяйки.

-Ну, вашу мать, - бьёт ладонью по рулю. – У меня так косоглазие будет, Тай. Оставь солнышко в покое, давай домой доедем без происшествий, а?

-Рули, - бросаю, издеваясь над ним. – Позавчера страдал я, сегодня ты, всё по-честному, брат.

-Вот блять, - стискивая зубы, смотрит вперёд.

Возбуждённая Каролина – это смертоносный грех для любого мужчины. Умереть, глядя на эту красоту согласится каждый, потому что ничего более прекрасного, я в своей жизни не видел.

-Тай, - зовёт, словно в бреду и подмахивая бёдрами, насаживается на мои пальцы. – Целуй.

Командует воительница, с силой тянет за волосы, заставляя вобрать сосок.

Ухмыляюсь и, конечно же, подчиняюсь. Безусловно. Неоспоримо и кайфово…

Всасываю, создавая вакуум, позволяю себе беспредел с толикой боли. Попискивая, содрогается в первых конвульсиях.

Давно заметил, что нашей девочке нравится секс с огоньком, на грани.

Член в штанах плющит не по-детски, и будь она в юбке, уже насадил бы, но придется терпеть до дома. Сейчас всё

только для неё…Знаю, потом Каролина с удовольствие и великим энтузиазмом отблагодарит нас двоих.

Меня за крышесносный оргазм, Ивана за терпение…

Не удобно жутко. Изловчившись, приподнимаю большой палец и кладу на клитор. Узкие джинсы придавливают руку, создают дополнительное давление.

От первого касания, солнце едва ли не складывается пополам.

-Тай! – взвизгивает и вся томная расслабленность слетает моментально.

На смену приходит сосредоточенное желание. Медленно, очень аккуратно, борясь с давлением штанов, совершаю движения по возбуждённому клитору. Упиваюсь реакцией женского тела.

Лёгкие волны дрожи пролетают по ногам, заставляя ее буквально раскрыться полностью, для меня.

-Давай, Рыжик, - кусаю за пухлую испещрённую мелкими, тонкими морщинкам губу и оттягиваю, чувствуя мякоть и мягкость. – Кончи только для меня.

-Эгоист, сука, - слышу шипение с переднего сидения, но не реагирую.

Сейчас она моя! И оргазм мой!

Я весь сосредоточен на Каролине. Полная, округлая грудь часто вздымается, судорожно подрагивает оголённый живот. Стоны заполняют пространство автомобиля и с каждой секундой меду стройных ножек становится всё более жарко и

влажно.

-Да…да…да, - стонет на выдохе, двигаясь в такт со мной.

Отрываюсь от неё лишь на секунду, смотрю в окно. До дома осталось пару улиц. Стоит поторопиться.

Врезаюсь в неё до упора, двигаю внутри двумя пальцами, большим не перестаю ласкать клитор и буквально через минуту Каролина складывается пополам, повиснув, словно обезьянка, на моей шее.

Громкие стоны обрывает натужное дыхание. Мои пальцы сжимают стенки ежесекундно, а я целую хрупкую шею, скулы и всюду, куда могу достать и совсем не спешу доставать руку из штанов.

-Ебать… - пыхтит Иван. – Сейчас приедем…

Сглатывает и сто процентов, поправляет вставший колом член. Я всё же вытаскиваю пальцы и размазываю влагу по ладони.

Эта девушка особенная. Её запах – афродизиак.

Помогаю натянуть бадлон, вслушиваюсь в возмущения Ивана.

-Сначала трахну у входа. Один! - строит планы. – У стены…А потом…

Воодушевлённо поворачивает голову к нам…на секунду, но и её хватает…

-Я отнесу тебя в…

Это мгновение становится роковым не только для нас, но и для нескольких десятков врачей нашей клиники.

-Осторожно! – крик Каролины оглушает.

А следом мир замедляется и ускоряется одновременно.

Группируюсь, прижав к себе хрупкое тело солнца, но чувствую, как нас штормит. Переворачивает по салону машины, и меня отключает…

Каролина

Шум в голове иногда заглушают крики вокруг меня.

Разлепить веки получается с трудом, но я стараюсь изо всех сил, не заснуть.

Шевелю пальцами на руках…

Отлично моторика верхних конечностей в норме. Хотя, с выводом, наверное, поспешила. При попытке поднять левую руку, боль простреливает с такой сил, что я едва не теряю сознание.

Чёрт!

Надо открыть глаза и посмотреть, как там Тай и Иван…

Боже! Ребёнок!

Веки распахиваются в мгновение ока…

-Очнулись, Каролина Андреевна. Отлично! – надо мной появляется лицо медсестры.

Знакомой…я видела её…видела…Но где?

В травме! В ИЦХ.

-Где я? – скрежеща противным голосом, спрашиваю.

-Мы забрали вас из городской больницы и везём в нашу. В Центр Хирургии. Я доктор Колесникова Светлана Леонидовна.

Не ошиблась, девушка из клиники. Ординатор.

-Вы, пожалуйста, не двигайтесь. Вам нельзя напрягать плечевой сустав. Сильный вывих при столкновении и паль-

цы на ногах сломаны, - быстро тараторит.

Выдыхаю натужно, так как в груди болит до звёздочек перед глазами. И этот факт откидывает к главному вопросу.

-Ребёнок как? – приходится опять открыть глаза, чтобы уловить мельчайшее изменение в мимике девушки.

-По этому поводу ничего сказать не могу, - отводит глаза. Врёт. – Вам всё скажет лечащий врач.

Сердце делает кульбит и замирает в груди.

Страх липкими, противными щупальцами обволакивает моё тело, быстро добираясь до горла. Давить, душит, медленно убивает…

Датчики, прикреплённые к кабине скорой, тут же начинают пищать, оповещая об ухудшении моего состояния.

-Тише-тише, Каролина Андреевна! – достаёт дрожащими руками шприц. Седативное…Не хочу. Мне нужно ясное сознание, а не овощное. Выравниваю сбитое дыхание, стараюсь успокоить сердце. – Молодец, умничка, - улыбается, держа перед собой готовый шприц. Откладывает и проверяет показатели. Я и так могу сказать, что у меня.

Сильный ушиб. Возможно небольшое кровотечение, но не смертельное, иначе бы уже кроили в городской больнице. Значит, с органами всё нормально…Тогда может быть и ребёнок…

Боже…

Я же не хотела его, а теперь ощущаю чувство потери…Оно смешивается со страхом и усиливается неосведом-

лённостью о состоянии моих мужчин. Но спросить у неё мне не хватает духу.

Неизвестность убивает намного изощреннее, чем правда. Медленно разъедает душу, пока внутри не остаётся огромная дыра и пустота.

-Тай и Иван… - шепчу, морщась от боли, когда машину тряхнуло на дорожной яме.

И опять улыбка. Другая. Более натянутая, наигранная, искусственная.

-Они едут с нами, - крутит головой, вглядываясь в матовые окна. – Да, сзади везут Ивана Ильича, а впереди Тимура Алексеевича.

-Живы? – везти можно и трупы, мне важно знать точно.

-Живы, конечно, - испуганно подтверждает. – Упаси Господи, скажете такое. Живы все, живы.

Повторяет несколько раз, словно мантру и на душе становится чуточку легче.

-Нас уже ждут. Сергей Степанович из отпуска прилетел, подлатает вас, - информация льётся из неё, отвлекая от ужасных воспоминаний.

Крик. Стук. Скрежет металла. И свой полёт по салону внедорожника, я не забуду никогда.

-Дмитрий Саныч, тоже ждёт вас, - продолжает говорить со мной, и я ловлю каждую крупицу.

Саныч – травматолог. Лучший в городе…долбанный садист. Он ломает с гребанным удовольствием. И если его вы-

звали, значит кто-то из мальчиков поломан…

Не удивительно, главное, чтобы не смертельно.

Сирены выключаются на подъезде к клинике. Резко открываются двери и зимнее солнце ослепляет, режет глаза, но я стараюсь не закрывать. Хочу увидеть их.

Тай… Ванечка…

-Данилова Каролина Андреевна, - озвучивает данные поступивших пациентов.

Где-то рядом звучит мужской голос, и я полностью отвлекаюсь на него.

-Измайлов Тимур Алексеевич, ушиб, сотрясение средней тяжести. Рваные раны зашили в городской…

-Да, нормально всё со мной! – поворачиваю голову на голос Тая. – Как Каролина? Где она?

- Я тут, - пытаюсь прокричать, но выходит тихо.

-Всё равно надо проконтролировать, - звучит голос главврача. – Везите в первую травму. Вызовите пластического хирурга, пусть посмотрит порез на лбу. Сделайте всё красиво!

Тай в порядке…с плеч слетает огромный давящий булыжник. Но стоит расслабиться и к главному входу подъезжает машина с Ванечкой.

-Подождите, - прошу медсестру. – Я хочу узнать, как Иван Ильич.

-Мы блокируем проезд, - виновато смотрит на меня.

-Минуту. Хорошо? Только минуту, - судорожно вспоми-

наю её имя. – Света, пожалуйста.

-Вам…Вам нельзя волноваться, - прикусывает губу, на карие глаза набегают слёзы. – Давайте, вы позже к нему зайдёте?

-Нет! – на меня обрушивается понимание, что всё пиздец как плохо, раз его везут последним и отказываются говорить беременной мне диагноз. – Ждём. Его.

Давлю авторитетом, да. Но по-другому мне не узнать, что с моим Ванечкой.

Он был за рулём и при столкновении получил большую степень удара. В то, что он вышел сухим из этого месива я не рассчитываю, но молю Бога лишь бы остался жив, а здоровье мы поправим.

Машина останавливается рядом.

-Что тут у нас? – главврач рядом, контролирует каждого.

-Громов Иван Ильич, сломана нога, в руке трещина. Было внутреннее кровотечение, прооперирован. Операция вызвала гиперкалимию. По дороге была остановка сердца.

С этими словами и моё останавливается. На секунду, кажется, даже свет померк. Хватаю урывками воздух, задыхаясь и неотрывно смотрю на Ванечку.

Тёмные волосы, пропитанные кровью, слиплись у лица. Огромная гематома на скуле, глубокий порез и миллионы мелких ссадин украшают мужественное лицо.

-Всё, дольше нельзя, - шепчет Светлана и начинает движение.

Истерический вопль рвёт душу. Я хочу к ним. Острая необходимость быть рядом оглушает, и я не сразу воспринимаю действительность.

-Каролина Андреевна! Каролина! – встревоженный голос Оли заставляет вернуться в реальный мир. – Сюда её.

Раздаёт команды, как генерал войску. Собранная и сосредоточенная, лишь лёгкий тремор рук выдаёт её состояние, но никто не обращает внимание на это.

Здесь все знакомы. Кто-то ближе, кто-то поверхностно, но мы работаем бок о бок уже не первый год.

В данной ситуации они не могут нас лечить…Ни Оля, ни Сергей Степанович, ни Дмитрий Саныч…но нам нужны лучшие врачи. А они лучшие из лучших не только в нашем городе, по всей стране.

Мои мужчины в надёжных руках, также как и я.

-Аппарат УЗИ, - рявкает на медсестёр и поворачивается ко мне. – Лин, потерпи. Знаю, что больно.

Хватаю за руку подругу. В её глазах слёзы, которые я себе позволить сейчас не могу.

-Спаси его, - прошу тихо. – Спаси ребёнка, Оль.

Каролина и Ванечка. Тая пока не нашла((
Но я не сдаюсь)

Тай

Тело…оно живёт по своей системе. Чётко выверенной и выстроенной веками эволюции…

Не знаю, есть ли в нём душа, но весь механизм подчиняется двум маленьким двигателям – сердцу и мозгу.

Если умирает первое, крохотный шанс на жизнь ещё остаётся. Возможность пересадки, подключение аппаратов…А вот если умирает второй…без шансов.

Тело в стрессовой ситуации реагирует молниеносно…Оно не видит разницы между тревогой и восторгом, паникой и сомнением, началом и концом…Оно просто реагирует, заставляя нас двигаться, действовать.

Иногда мы игнорируем посыл, а иногда прислушиваемся и это разумно.

В тот день моё тело посылало сигнал тревоги, но я его благополучно проебал…

-Оля, - перехватываю её на выходе из интенсивки. – Что с ней? С ребёнком?

-С Каролиной сейчас Шарапов, он осматривает травму грудной полости. Сделали УЗИ и КТ, разрывов и кровотечения нет, - смотрит на меня не моргая.

-Да говори уже, - рычу, морщась от боли в груди.

При столкновении Рыжик «удачно» вписалась грудью, в подголовник водительского сидения, а я догнал её тем же ме-

стом в плечо. Так и вышло, что оба с ушибами грудной клетки.

Чёрт!

-Оль, не заставляй меня нервничать, - сжимаю кисти рук в кулаки.

Нет, бить врача, тем более девушку, я не собираюсь, но могу не сдержаться и ударить в стену. Напугать. Моя агрессия давно искала выход, но с появлением в жизни Каролины улеглась на дно.

Авария всколыхнула…И теперь она бурлит во мне, заваривая какую-то гремучую смесь. Пока удаётся держать в себе это варево, но если они так и продолжат от меня скрывать информацию, то будет плохо. Всем. Потому что крышка на моём котелке держится исключительно благодаря стараниям Каролины.

-Тебе надо успокоиться, Тай. С Каролиной всё будет хорошо, - кладёт руку на мою грудь, утешая.

Шаг назад…И неконтролируемый взгляд полный ярости заставляет девушку оцепенеть ненадолго.

-Я не для того вёз их сюда, чтобы слушать ваши утешения. Что с ребёнком? – выговариваю сквозь зубы, стараюсь чтобы то, что говорю не было похоже на рычание, но судя по хмурому взгляду Ольги, получается хреново.

- Тай, - выдыхает. – Ты же не отпустишь меня пока не расскажу, да?

-Да.

-Тогда хромай за мной, мне нужны иммуноглобулины.

-Зачем? У неё отрицательный резус-фактор? – сглатываю вонзившийся кол.

Никогда не задавался вопросом по этому поводу, а стоило.

Хочется биться головой о стену, орать, крушить и убивать, потому что у меня положительный…у Ивана тоже, насколько я помню, а значит…угроза выкидыша даже в спокойное время висит над нами, как дамоклов меч, а при травме…Это пиздец.

-Да, отрицательный, поэтому хочу сразу исключить повреждение плаценты.

Опираясь на трость здоровой рукой, раненной придерживаю мотор в груди. Он барахлит, иногда пугая до чёртиков, но сейчас работает на повышенных, гоняет кровь в ускоренном темпе.

Щёлкаю позвонками и морщусь от боли. Около правой лопатки нехилая гематома, стоит потянуться и она тут же даёт о себе знать.

Не отстаю, шоркая ногами, иду следом.

-Ты можешь не частями, а полную картину обрисовать?

-Как Иван? – неожиданно переводит тему.

Хватаю за руку эту несносную мать всея Руси и заталкиваю в первую попавшуюся дверь.

-Слушай сюда, не зли меня, Оля, - вжимаю в стену. Прикрываю глаза стараясь притупить вспыхнувший пожар гнева в груди. – Ты меня не знаешь. И то, что ты дружишь с Каро-

линой тебе не поможет, размажу по стенке. В лучшем случае умрёшь.

-А в худшем? – пищит, но глаз не отводит.

-Станешь овощем.

-Я слышала ты военный врач?

-Слышала, - хмыкаю и оскаливаюсь. – Я не просто военный… - закрываю глаза, хочу забыть и стереть из памяти всё, что довелось пережить когда-то, но оно накатывает всегда резко и неожиданно, вот прям как в эту минуту. – Я сейчас спрошу в последний раз, и ты либо отвечаешь, либо…

Кивает быстро головой и открывает, словно рыбка головой.

-Как ребёнок?

-Пусти, - цепляется холодными пальцами за мою руку. – Ну больно же!

Отпускаю нехотя. Но с места не двигаюсь.

-Шанс есть, - бурчит обиженно. – Я делаю всё, чтобы сохранить малыша. В первом триместре матка находится в пределах малого таза и при ударах, падениях опасность минимальная. Только на это и надежда.

-Но? – тороплю эту рохлю.

-Но было небольшое кровотечение и боли. Кровотечение устранили ещё в городской, я перепроверила, больше жидкость не скапливается. Но… Также у плода я заметила снижение и перебои сердцебиения.

-Что это значит?

Я, конечно же, проходил в интернатуре все эти женские тонкости беременности и даже роды принимал, но за время боевых действий и позже…Чёрт! Да я сейчас даже не вспомню, как рану перевязать. Весь мой организм настроен только на одну волну – жизнь дорогих мне людей.

-Ты точно врач? – прищуривается ехидна.

-Проверим? Тут операционные недалеко, - отвечаю взаимностью. – Что у тебя лишнее? Желудок? Аппендикс? А может толстая кишка?

-Какие мы нервные, - фыркает. – Это значит, Тимур Алексеевич, что у неё была травма. Самое главное и Каролина, и плод живы. Укол от столбняка я сделала, сейчас укрепим плаценту антирезусными телами, грамм триста, и будем ждать, и наблюдать. А вы должны взять себя в руки, и перестать кидаться на всех врачей!

-Я не…

-Ну да! – с сарказмом в голосе перебивает. – Главврач десятой дорогой ваш этаж обходит! Шарапов жаловался, что ты чуть не задушил его около операционной Ивана. Если невмоготу, могу предложить укол элзепама.

Отпускаю девушку и опираясь рукой о стену, тяжело выдыхаю. Удержать внутренних демонов не так уж и просто, когда жизнь друга висит на волоске, а любимая борется не только за свою жизнь, но и за крошку, растущую внутри.

-Ты бы вместо всей этой дури молился, чтобы у крошки был мамин резус-фактор. Иначе… - не решается продол-

жить.

-Иначе будет резус-конфликт, - заканчиваю за неё. – И выкидыш.

-Почти со стопроцентной вероятностью.

-Ясно, - тру воспалённые глаза и только сейчас замечаю женщину в комнате.

Она испуганно вжимается в кровать и смотрит на нас, как на пришельцев, которое вторглись и пытаются разнести всё в щепки.

-Держи меня в курсе, - бросаю на выходе и не извинившись перед пациенткой выхожу, из палаты.

-Ты должен поспать. Свалишься же, - орёт в спину Оля.

-Не сейчас, - отмахиваюсь и иду к двери интенсива. У операционной мне делать нечего, Иван ещё часа три будет на операции.

Вредная подружка Рыжика куда-то сливается и я выдыхаю. Падаю на мягкий диван в холе у двери и прикрываю глаза.

Они живы, остальное уж как-нибудь решим. Вернём, создадим, заменим…

-Что? – открываю глаза, чувствуя легкий укол в шею.

-Прости, - виновато смотрит Оля. – Ты не оставляешь выбора, все врачи на нервах уже сутки. А тебе выспаться надо.

Вижу, как заламывает руки, с ужасом и виной смотрит на меня. Чувствую отъезжаю и всё, что успеваю сказать, фразу из знаменитого фильма.

-Беги, Оля…беги.

Тай

Каролина

-Привет, - тянет слово Оля, тут же подскакивая с места. – Как самочувствие?

-Будто по мне катком проехали, - бурчу, шевеля потрескавшимися губами.

-Тише ты! – шикает и озирается назад. – Разбудишь демона и роды принимать будет некому.

Впадаю в прострацию от короткого предложения. Сердце моментально сбоит и датчики улавливая изменения, начинают тревожно пищать.

Принимать роды? Что это значит?

Ребёнок жив? Она спасла его?

-Прекрати! Слышишь! – убирает звук до минимума на мониторе. – Я его вырубила уколом. Знаешь, что мне за это будет?

Смотрю на неё широко раскрытыми глазами, но, если честно, не до конца понимаю о чём идет речь. В голове крутится лишь один вопрос, который я до ужаса боюсь озвучить.

Так бывает в жизни, человек живёт, растрачивая ресурсы не на то, что нужно, забывает о важном. Деньги… - основная зависимость, из-за которой люди подвергают себя стрессу и травмам, не задумываясь о будущем, о здоровье. А когда попадают к нам под скальпель, махать белым платочком поздно. Поезд с правильным питание, с отказом от курения

и тяжким трудом, уже машет ручкой.

Ежедневно они ищут проблемы, а если их нет, создают на пустом месте. Слишком толстая, слишком худая…Некрасивый, маленький член…Крохотная квартира, старая машина…Перечислять можно бесконечно. Всё, от косого взгляда незнакомого человека, стоящего в очереди в магазине, до коллекторов – приводит к стрессу, хотя на большую часть проблем, не стоит даже внимания не обращать.

Но это мы понимаем зачастую, лишь когда находимся на пороге смерти. В ужасе начинаем осознавать, что для нас действительно важно.

Я испугалась узнав, что беременна. Создала сама кризисную ситуацию. И, наверное, если бы не авария, вряд ли сохранила эту маленькую жизнь…

Я ведь её сохранила?

-Ребёнок? – в горле дерёт наждачкой, сглатываю, но ощущение словно кадыком сдираю гортань.

-С ним всё хорошо. Угроза сохраняется, но я сделаю всё, чтобы его сохранить. Пока, у тебя исключительно покой, лежачее положение и… меньше нервов, Лин, - успокаивает, убирает планшет и садится рядом. Сжимает руку в поддержке. – У тебя в плевральной полости скопилась жидкость, Шарапов устранил. Но обезболивающее, которое тебе укололи скоро перестанет действовать, а что-то сильнее, дать не могу из-за ребёнка. Так что готовься…будет больно.

Больно – не страшно.

Прикрываю глаза ощущая, как тяжёлый камень тревоги слетает с души.

Спасибо, спасибо, спасибо, Господи. Я буду беречь его. Постараюсь быть хорошей мамой…честно…

Кладу ладонь на живот. Плоский.

Как привыкнуть к мысли, что я теперь…мама?

Но это не важно, я знаю, что он там, с размером грецкого ореха. Чувствует, ловит каждую мою эмоцию…

Оля опять утыкается в планшет, вводит последние данные, совершенно не обращая внимания на меня. И спустя пару минут, наклоняется ко мне.

-Воды хочешь? – киваю, и тут же вижу замыленным от слёз глазами, стакан с трубочкой. – Аккуратно. Вот так.

Влага смачивает и придаёт сил. Жизнь, словно убирает выставленные шипы и можно даже глубоко вдохнуть.

-Как Тай и Ваня? – я помню прекрасно озвученные данные, помню диагноз Ивана, поэтому с легким оцепенением жду информацию о моих мужчинах.

-Ты меня вообще слушала? – возмущается подруга. – Вырубила я твоего Таечку!

Зыркает себе за спину, и чуть сместившись, показывает мне спящего Тимура. Выдыхаю тревожность. Смотрю на него…такой открытый…земной…мой…

Тай особенный. Этот мужчина, если не брать его заслуги перед медициной, несёт в себе весь груз мира. Он мудрый не по годам, сильный и честный, но не со всеми. Только для

близкого круга людей. Мне он тоже не сразу открылся, но то, что показал, я очень ценю. Потому что такой Измайлов нравится ещё больше, чем тот с которым я познакомилась в смотровой.

Холодный, резкий, надменный, вечно матерящийся и недовольный. Истинный военный…

-Никогда бы не подумала, что наш хладнокровный доктор Измайлов, может развести такой кострище в клинике и медленно жарить всех врачей на вертеле, - задумчиво произносит Оля.

-Не поняла?

-А что тут не понятного? Он заколебал уже всех. Орёт на врачей, запугивает. Даже меня пытался задушить, - у меня вырывается смешок непроизвольно.

-Хотела бы я увидеть эту картину.

-Чтоб ему проще было, я сделала вид, что испугалась.

-Сама не испугалась? – бесстрашная у меня подруга всё-таки.

-Хм, - улыбнувшись, подмигивает. – Он же понимает, что тогда ему конец, - с важным видом, задирает нос. – Во-первых, тебя лечить некому. Остальным я вас не доверю. А во-вторых, ты ж ему первая все причиндалы оторвёшь, если со мной что-то случиться.

Если бы не боль в груди, честно, засмеялась бы в голос, а так, тихонько попискивая, сотрясаюсь от смеха.

-Ты права, - отдышавшись, говорю. – А Ванечка?

-Ивану Ильичу сделали повторную операцию. Всё прошло хорошо, единственное, ортопеду пришлось заново ломать ногу, но всё прошло хорошо, не переживай.

-А гиперкалимия?

-Сделали повторный анализ. Уровень калия в крови шесть и четыре.

-Пограничная, - подвожу итог.

На границе умеренной и острой гиперкалимией.

-Да. Но, Шарапов и Деров провели полную оценку почек, печени, мне кажется, они даже половую функцию проверили. В общем, это от передоза. В горбольнице, видимо, быстро влили раствор на операции и спровоцировали гиперкалимию, но мы ещё будем наблюдать.

-А рука?

-А что рука? – выдыхает устало. – Сломана, но срастётся. А зная твоего Ивана, он уже через пару недель будет требовать снять гипс.

-Он сможет оперировать?

-Конечно. Не кисть же сломал. Ты вообще не в курсе, да?

-Да. Знаю только в общих чертах. Подслушала, когда нас привезли.

-Ясно. Ну, всё нормально с ним. Этот, - машет головой в сторону Тая. – Вообще терминатор. Непробиваемый. Синяками и травмой груди отделался.

-И слава Богу, - закрываю глаза. Усталость берёт верх, но мне надо кое-что ещё. – Оль?

-М? – открываю глаз и вижу клюющую носом подругу. Она, судя по всему, тоже не спала. – Отпусти меня завтра к Ване.

-М-нет, - чуть бодрее отвечает.

-Мне надо.

-А кому не надо? Тимур Алексеевич тоже рвался, как невменяемый, – парирует. – Ты глухая? Я тебе сказала, исключительно постельный режим!

-Коза, - сердито отворачиваюсь.

Манипулирую ею, знаю, что некрасиво, но сердце не на месте. Мне жизненно важно его увидеть!

-Значит, завтра поедешь лёжа, - вздрагиваем с Олей вдвоём и поворачиваем голову.

Тай, взъерошенный и больше похожий не на воробья, а на орла после схватки, сидит на кушетке и смотрит цепким взглядом прямо на меня.

-Ой, - пищит подруга. – Таечка Тимурович, - со страху путает имя, отчество и прозвище. – Я пойду, наверное.

Он провожает Олю злым взглядом до самой двери и подходит ко мне. Отодвигает одеяло, аккуратно, чтобы не задеть провода, ложиться рядом.

-Иван станет папочкой, - констатирует факт.

-Да, - в груди тормозят все процессы. – Ты злишься?

-Нет. Просто хотелось бы, чтобы и у меня был ребёнок, - спокойно говорит, оставляя в волосах лёгкие поцелуи. – Я даже сначала подумал, что это мой, а потом понял, что нет.

По времени не получается. Я тогда на конференции был, а вы начудили.

-Мхм, - вдыхаю его запах и млею лёжа на мускулистом плече.

-Родишь мне такого же? – неожиданно спрашивает, но я почему-то не впадаю в панику, а прислушиваюсь к себе и сразу же нахожу правильный ответ.

-Рожу.

Каролина

Сотрясение головного мозга – это одна из форм черепно-мозговой травмы, при игнорировании которой, подтягиваются не всегда обратимые последствия.

Но вот что странно…Если мозг можно сотрясти, то сердце – нет. Но если так разобраться, то сотрясение сердца, называется ушиб. То же сотрясение, но название другое, как и последствия. Боль…один из общих симптомов.

Только она гораздо глубже, тягуче и длительнее…

Любой, даже самый короткий и неглубокий вдох, приносит нестерпимую боль. И для того, чтобы пациент мог находится в состоянии покоя, а не ёрзать по кровати, вкалывают препараты.

Моя доза, вколотая вчера вечером, медленно сходит на нет, и сейчас я ощущаю, как в груди разгорается что-то нереально болючее.

Стискивая зубы, решаюсь открыть глаза. Инспектирую комнату и понимаю, что я одна. Тай ушёл куда-то. Это хорошо…

Его хмурое и виноватое лицо порядком надоело. Нельзя себя винить в аварии. Это случайность, которая может случиться даже с самым опытным водителем. А Ванечка опытный, это я точно знаю.

Мои мужчины не любят распространяться, но, когда они

служили в горячей точке, Ивану тоже доставалось, несмотря на то, что он проходил службу не на передовой, а в военном-полевом госпитале.

Он рассказывал о налёте, в ходе которого пострадал не только он, но и большая часть боевых товарищей. Думаю, таких налётов было больше, чем один, но видимо именно этот запомнился ему навсегда.

Многие детали мне не рассказывают, но знаю, что Тай спас Ивана. Так и завязалась крепкая, нерушимая дружба. И даже я не смогла её разбить.

Они вместо того ,чтобы предоставить мне выбор, выбрали сами…Быть втроём…

А теперь вчетвером.

Кладу руку на живот…Плоский.

-Когда же ты станешь расти? Не терпится.

Глупый вопрос, как для врача, но не для кого не секрет, что даже врачи начинают туканить в ситуациях касающихся их лично. Почему? Да потому что врач – тоже женщина, ей тоже страшно.

Человек не по своему желанию сгорает в пожаре, он просто цепенеет от ужаса и парализованный стразом не сразу видит выход из дерьмовой ситуации.

Хирурги люди плана. Каждая операция проходит по чётко разработанному плану, а если что-то выходит из-под контроля…то мы с усердием стараемся вернуть себе бразды правления.

Сейчас всё вышло из-под контроля.

Я здесь, в палате, всячески стараюсь сохранить маленькую жизнь, а отец малыша борется за свою, двумя этажами ниже. И как бы я не возмущалась, Ольга наотрез отказывается вести меня к Ванечке.

Мало того…Она каким-то образом, пока я спала, настроила Тая против моей затеи. И если против одного я ещё могу выстоять, то против двоих – нет.

В желудке жалобно урчит.

Замечаю на тумбе салат из фруктов и йогурт. Кормят у нас действительно неплохо. Но поесть мне не судьба.

За дверью слышу родной голос и застываю, так и не дотянувшись до клубники. Клубника! Зима на дворе, а она выглядит так, словно её только с грядки принесли.

-Моя девушка чуть не потеряла ребёнка, мой друг до сих пор находится в реанимации, а вы задаёте мне глупые вопросы, майор! – рычит, я же прислушиваюсь.

-Я всё прекрасно понимаю, но и вы поймите, это моя работа. И то, что с вами случилось, не случайность. Поэтому я вас попрошу ещё раз обдумать, есть ли кто-то, кто точит на вас зуб?

-Господи, - раздражённый выдох и я прям-таки явственно вижу его выражение лица.

Сощуренные, полыхающие яростью глаза. В этот момент они становятся чёрного, обсидианового цвета. Острые, чуть квадратные скулы напряжены и ровные зубы, в массивной

челюсти, плотно сжаты, а сломанный, чуть кривоватый нос шумно набирает воздух.

Хочется кричать во всё горло…не злите его!...Но я молчу, потому что такой подвиг, как набрать полные лёгкие кислорода, мне пока не доступен.

До меня не сразу доходят слова майора. Приходится даже пару раз повторить про себя, но когда доходит…

Первый удар сердца взрывает грудную клетку. А кровь в венах начинает гудеть настолько громко, что я перестаю слышать их разговор.

…не случайность?

Бред какой-то…

-Послушайте, я вас к ней на пушечный выстрел не подпущу, - продолжает рычать Тай. – Она ещё не отошла от шока, угроза выкидыша сохраняется до сих пор, и если из-за вашего длинного языка, она пострадает…

Заканчивать фразу смысла нет, и я и Майор понимаем, что именно оторвёт Тимур полицейскому.

-Я приду позже, - говорит мужчина. Не сдаётся.

-Ага, через полтора года, приходите, - рявкает иронично.

Но собеседник видимо не понимает юмор хирурга.

-Почему через полтора?

-Иди уже, - устало отмахивается от хранителя правопорядка и дёргает ручку.

Едва переступает порог палаты, застывает, и смеряет придирчивым взглядом моё тело. Словно сканером проходит,

ищет повреждения, или малейшие изменения. Глаза темнеют, выдавая нервозное состояние.

-Слышала?

-Слышала, - не отпираюсь.

Тай садиться рядом и берёт тарелку с салатом. Цепляет кончиком вилки спелую, ароматную клубничку и подносит к моему рту.

-Не обращай внимания, окей. Какой-то идиот, а не майор, - принижает значимость ситуации, но по более резким движениям замечаю, что он не так спокоен, как хочет казаться. – Как ты себя чувствуешь?

-Авария не случайность?

-Не думай об этом, - роняет небрежно, и во мне тут же вскипает волна гнева.

-То есть? Не моего ума дела что ли?

-Нет, Рыжик, просто тебе нельзя волноваться, а ты будешь, я тебя знаю!

-Если не расскажешь ,то буду конечно, потому что накручу себя бог знает как. Я имею право знать.

-Хорошо, - сдаётся под моим настырным взглядом. – Машина, которая в нас врезалась числится в угоне со вчерашнего вечера. По уличным камерам видеонаблюдения личность водителя установить не получилось, потому что он был в балаклаве.

-Так всё! – скидываю одело с ног, отодвигая протянутую вилку. – Немедленно отведи меня к Ивану!

-Это что за выступление? А ну-ка ложись обратно, Каролина…Чёрт!

Как бы не ругался, но подхватывает, стоит мне зажмуриться от прихода.

Да, вставать, пожалуй, рановато, но Ванечку я теперь одного не оставлю точно!

-И куда это мы собрались? – деловой походкой вплывает подруга. Быстро оценивает ситуацию и выдаёт. – Не-а. Каролина, даже не мылься! Он же не просто в палате! Тай!

Переводит возмущённый взгляд на моего мужчину, ища поддержку.

-Ооо, уже даже Тай? – умышленно драконю их. – А ещё недавно был Тай Драконович, Тай Теймурович и так далее. Что уже не боишься его?

-Нет, - упирает руки в бока и блокирует выход из палаты. – И ты не думай, что у тебя получится, подруга.

Вот же ж зараза. Олька читает меня как отрытую книгу. Не удивительно на самом деле, мы с ней два родных человечка. Не по крови, конечно же, по душе.

Лёгкий тремор в конечностях при моих травмах – это нормально, а вот то, что в груди давит так словно там сжимает пасть стафф, со своими двадцатью пятью атмосферами, совсем не походит на норму. Сцепляя зубы, буравлю личного гинеколога-хирурга.

-Чувствуешь? – прищуривая глаза, понижает голос. – Ноги трусятся и низ живота начинает тянуть?

-Нет, - вру и ощущаю, как по виску стекает капля пота. Хорошо, что с другой стороны от Тая.

-Врёшь. А сделаешь ещё пару шагов и начнёшь задыхаться.

-Тогда дай мне коляску! – психую.

-Фигушки! – рявкает Оля. – О себе не думаешь, подумай об Иване!

-И о ребёнке, - поддерживает её Тай и пользуясь моим временным замешательством, подхватывает на руки и аккуратно укладывает обратно на койку.

-Да, ну, блин! – бью кулаками по матрацу.

-Послушай, - садиться рядом подруга. – Иван Ильич большой молодец. Сегодня Колесников сказал, что есть положительная динамика и если эту ночь он перенесёт нормально, то завтра его переведут в палату и ты…сможешь переехать к нему. Так уж и быть!

-Обещаешь? – прищурившись ищу подвоха, всё же они меня уже один раз обманули.

-Сто процентов! А сейчас нам надо пройти осмотр, - потирая руки переводит взгляд на Тая. – А вас, папочка, попрошу удалиться.

Тимур, чуть вздрогнув, поднимается с кресла и выходит из палаты. С ноющим чувством досады провожаю мускулистую спину.

-Не Тай отец, - роняю расстроенно.

Я не то чтобы расстроена, рада, конечно же, что Иван бу-

дет папой, но Тая жалко…Оказывается и вояк есть сердце…

-Пфф, а какая нафиг разница? Знаешь, я никогда не лезла в твою жизнь, довольствовалась тем, что ты сама хотела рассказать, но даже по тем крохам, что ты мне вещала, могу сказать, что эти двое тебя не отпустят и не думаю, что у них будут разногласия по поводу детей.

-Почему нет?

-Ну тебя-то они не делят?

-Логично…

Каролина

Ваню перевелив палату. Ночь простояли, день как-то переживём, а там глядишь и выздоровление не за горами.

Я уже третий час сижу около него, жду что очнётся, хотя Тай сказал, что вряд ли.

Ближайшие пару дней точно не придёт в себя. И это угнетает и навевает страх…Что не придёт в себя.

Слышала, как медсёстры говорили о нашем трио.

-Ну, один-то остался! – шёпотом орала Майя.

-Видимо, одного ей мало. Видишь, как убивается, - ответила Люся.

Мало. Одного мне мало! Жадина я. И собственница. Да! И пошли все к чёрту, блять! Эти двое мужчин мои!

Кладу лоб на прохладную руку Ванечки.

Ну давай же, сладкий мой, приди в себя уже. Я устала переживать и нервничать. А мне нельзя! Но ты-то не знаешь…

И это ещё один повод тихо убиваться, жрать себя изнутри.

Никогда не задумывалась, что испытывают родственники пациентов. Теперь ощутила на собственной шкуре.

Скажу правду – ощущения дерьмовые.

-Тебе надо отдохнуть, - горячая рука Тая легла на спину.

-Чуть позже, - отвечаю, не отрывая головы от руки Ванечки.

-Я что? Спросил у тебя? – начинает злиться. – Сказал, Ка-

ролина, ты хочешь отдохнуть?

-Нет, - всё же поднимаю голову.

-Правильно! Нет. Значит, я сказал, ты сделала, - припечатывает жёстко и от его властного голоса по спине ползут мурашки.

Я плохой человек…Очень плохой.

Рядом с тяжело больным Ваней, будучи сама слегка болезная, я возбуждаюсь от голоса Тая. Кошмар!

-Идём, - поднимает меня на руки и пройдя два шага, укладывает на диван. Его перенесли из дежурки, под зорким взглядом главврача. За что ему огромное, спасибо.

Теперь мы живём здесь.

Завтра Тая выписывают, а меня ещё нет. О Ванечке, даже речь не идёт.

-Уммм, - поджимаю губы от боли. -Я могу сама доковылять до дивана.

-Конечно, у тебя же пальцы на ногах лишние, чтобы кость ломать каждый раз при ходьбе, - ехидничает. – Как плечо?

-Нормально, - огрызаюсь и поворачиваюсь к стене.

Руку сводит, когда ложусь, плечевой сустав даёт о себе знать. Напоминает, что я не робот и мне тоже нужен отдых.

Отдых…Мне кажется я уже наотдыхалась на всю жизнь вперед. Так хочется в операционную, вскрыть грудную полость и взять в руку бьющееся сердце…живое…натужно качающее кровь. Оно играет свою личную, нежную музыку, которую понимают только кардиохирурги.

Хочу почувствовать себя живой, полноценной.

Но в операционную вход заказан на пару недель точно. И это после выписки, которая ещё не скоро. Всё что мне остаётся это сидеть рядом с Ваней, молиться и…молиться.

Наши врачи провели колоссальную работу. Сделали всё, что необходимо и даже больше, теперь только ожидание. Которое, к слову, меня убивает.

-Папа звонил, - шепчет Тай, обнимая сзади. Плотно прижавшись к моей спине, целует тыльную часть шеи.

Без сексуального подтекста, обычная ласка, поддержка, но я млею от касаний и едва не пропускаю смысл сказанного.

Как только слова доходят до моего сотрясённого мозга, каменею.

-Ну чего ты напряглась? М?

А я напряглась, да…потому что…

-Мой?

-Твой.

Одно единственное слово и я цепенею в руках мужчины, как кролик в свете фар. Несмотря на то, что лежу камушком, ощущаю, как внутри бежит по венам со скоростью света, кровь. Сердце не ровными, глухими и тяжёлыми ударами бьёт в груди.

Больно…

-Тише, Рыжик, дыши. Он же не здесь.

Стараюсь выровнять дыхание. Времена, когда думала только о себе, прошли, все мои заскоки теперь отражаются

на маленьком эмбрионе внутри меня.

-Что он хотел? – просевшим голосом задаю вопрос и с замиранием сердца жду ответ.

-Если вкратце, то узнать всё ли с тобой нормально.

-Врёшь, - хмыкаю и улыбаюсь.

Тай – взрослый мужчина, нескромных, накаченных габаритов, прошедший войну и чёрт ещё знает что, а врать не умеет.

-Я просто вычленил самое главное, - горячий поцелуй в плечо, согревает и даёт уверенность. -Почему вы с ним в таких непростых отношениях?

О наших отношениях с Даниловой Дмитрием Юрьевичем знает вся больница. Но я старательно избегаю не только рассказов о них, но и о нём. Потому что для всех он – идол, бог, царь и так далее.

-Не бери больше трубку, - говорю резко вместо ответа.

Закрываю глаза, силой заставляю себя уснуть, но даже когда слышу мерное сопение Тая, не могу отключиться.

Ходить с гипсом неудобно, поэтому я, наплевав на совет травматолога, уже надела ортез. Аккуратно снимаю руку и выбираюсь на четвереньках с дивана.

Вздрагиваю, когда дверь открывается и радуюсь, что она не скрипит.

-Ты куда? Тебе отдыхать надо, Каролина Андреевна, - хмурится главврач. Он приходит к нам каждый вечер, проверить как идёт выздоровление.

-Я не хочу спать, - отдаю себе отчёт, что капризничаю, как ребёнок, но ничего поделать не могу.

Гормоны…

-У меня есть морковный кекс, будешь? – заговорщицки щурится и достаёт из кармана медицинского халата лакомство.

-И я хочу, - испугавшись, смотрим с Владиславом Юрьевичем на дверь. – Что? Если я не беременна, то нельзя?

-Можно подумать, я могу тебе отказать, дочь, - целует в щёку подругу и из другого кармана, словно волшебник достаёт ещё один. – Мама пекла.

-Передай ей привет и скажи, что я её люблю, - прячет кексы наши кексы к себе в карман.

-Сама бы и сказала. Как съехала, так забыла о стариках, - это Владислав Юрьевич конечно же, утрирует.

Несмотря на возраст выглядит он далеко не как старик.

Смотрю на них и в груди приятное тепло разливается. Она его называет папой, он её дочкой, хоть и не родные…Главврач благополучно женат уже более пятнадцати лет на матери Оли.

Без слов выходят оба за дверь, и буквально через пару минут подруга возвращается с креслом.

-Садись, - подмигивает. – Поедем пить чай с кексами в сад.

Сад – это терапевтическая комната, которой в основном пользуются психотерапевты и психологи. Периодически мы

с Олей воруем ключи у охраны и в ночные смены пьём там кофе. Но кофе мне нельзя, поэтому сегодня только чай.

-Ты богиня, - плюхаюсь в кресло.

-Знаю. Только никому не говори, а то не дай бог решат мне пузико погладить, или пяточки.

-Не поняла?

-Ну как эти, знаешь…М-м-м…Как же их называют, - притормаживает, силясь вспомнить. – Такие толстенькие человечки, сидят по-турецки и им ещё надо что-то почесать, чтобы желание исполнилось. У них ещё четыре руки.

-Адибудда.

-Точно, будда! Но я не она.

-И он не она, - смеюсь впервые с момента аварии. – Будда мужчина. И женщина. Я не сильна в буддийском пантеоне, если честно.

-Я тоже.

Смотрю на вспыхивающие кнопки лифта и тихо радуюсь, маленькой прогулке и тому, что несмотря ни на что, все живы.

-Погоди секунду, никуда не уходи, - бросает Оля, исчезая в комнате медсестёр.

-Очень смешно, - бурчу себе под нос. – Будто я могу.

Сижу одна в коридоре, слушаю тишину. Ночь – волшебное время, если не случается кризисных ситуаций. Ночью лучше отдыхается, думается и жрётся…

Кажется, я хочу кушать…

-А вот и я, соскучилась? – выпархивает подруга, суёт мне какой-то свёрток в руки и небольшой термос с горячим чаем, и снова толкает коляску.

-Ты туда за чаем ходила? – спрашиваю удивлённо.

Дело в том, что медсёстры особенная каста в ИЦХ, они живут на своей территории и даже главврача не всегда впускают. Правда на этой комнатке и заканчивается их власть, дальше царствуют хирурги.

-За чаем. Алинка принесла травяной. Вкусный, - лицо не виду, но по её голосу представляю, как корчит от удовольствия рожицу. – Вот и приехали. Одолжила у неё.

Мне всегда нравилась эта комната. Сотни растений от маленьких, до высоких деревьев, в хаотичном порядке растут в глиняных горшках. Посередине стоит небольшой фонтанчик, который включается с помощью кнопки на панели и стеклянный столик со стульями рядом.

Как-то я спросила у нашего психолога, почему стеклянный? Он ответил, для того чтобы наблюдать за руками и ногами пациентов. Лицо можно натренировать перед зеркалом, а тремор рук и постоянные касания к телу, контролировать тяжело.

-Вот так! Ммм, шикарно, - включив подсветку звёздное небо на потолке и фонтан, Оля садится напротив.

Выдыхаю свободно. В этой комнате даже воздух другой, чистый и насыщенный цветочным ароматом.

-Всё будет хорошо, подруга, - ободряюще сжимает мою

кисть через стол. Другой рукой разливает напиток.

-Будет. Только когда?

-Ну, через время. Знаешь, никогда бы не подумала, что ты такая противная в роли пациентки, - кривится словно лимон съела.

-Я бы на тебя посмотрела, если бы любимый человек был при смерти, - говорю не подумав.

-Любимый, значит, - хмыкает.

-Любимый, - чего уж.

-А Тимур тоже любимый? – смотрит из-подо лба.

-Тоже, - не скрываю.

-Можно вопрос?

-Давай.

-Я никогда не лезла в ваши отношеньки, но мне, блин интересно всё-таки…Как вы познакомились?

-О, Господи, Оля, - закатываю глаза.

-А что? Мне интересно! Вы же не в больнице познакомились?

-Не-а, - улыбаюсь шкодно и возвращаюсь на несколько лет назад.

Каролина

-Андреевна, ну блин, колись уже, - ёрзая на стуле, умоляет подруга. – Мне теперь, капец, как интересно.

Суёт мне в одну руку бутерброд с авокадо и тунцом, во вторую кружку с горячим чаем.

-Я была трудным ребёнком… - задумчивым взглядом очерчиваю на потолке «Большую медведицу». – Знаешь…с вот этими закидонами…тату, водка и блядки.

-Серьёзно? – недоверчиво смотрит. – Ты?

-Мхм, - поджимаю губы от досады, вспоминая все подвиги. – Мамуличка натерпелась со мной…Ей доставалось и от меня, и от отца. От отца за то, что я выросла нерадивой дочерью. Только тогда я была эгоистка и не понимала, что всё это нервы, которые забирают её здоровье буквально по крупицам. День за днём…день за днём…

Перевожу дух, тяжело вздыхая. В свою жизнь никого не впускаю. Никого. Даже своих мужчин. Они до конца не знают по какой причине у меня с отцом такие натянутые отношения. Тай и Ванечка в курсе только того, что он властный диктатор, узурпатор, который не даёт мне дышать от своей тирании.

А сейчас…может из-за аварии, я хочу рассказать. Сама исповедаться…хоть кому-то…Так почему бы не подруге?

-Меня забирала полиция из самых разных мест, в самых

неадекватных состояниях. В блевотине, под кайфом, голой, побитой…разной в общем, - слышу тихий свист Ольки. Да, детство у меня было ещё то. – В восемнадцать меня забрали из БДСМ клуба. Там…мне не понравилось, но глядя на лицо папы я решила, что однозначно туда вернусь.

-Как ты туда попала? – отпивая травяной чай, с интересом вставляет вопрос.

-А есть разница? Попала, - пожимаю плечами. – Когда у тебя денег хоть жопой жри, можно даже на обед к президенту попасть.

-Ну да, - задумавшись, тянет.

-Утрирую, конечно, но всё-таки.

-И что дальше?

-То, что я пойду учиться на врача не обговаривалось. Сколько себя помню, этот вопрос был решён. Не мной, естественно. И я бойкотировала, пока не узнала, что бабушка заболела. Её так внезапно госпитализировали…Коарктация аорты. Бабушка мамина и её я любила. Очень. Нифига не понимая о чём говорят взрослые…лезла в интернет, искала ответы по тому, что услышала от них. И поняла, вариантов нет, надо идти в хирургию.

-Капец.

-Бабушка умерла на втором году интернатуры. Я перестала чудить. Наверное, потому что просто не было времени. Пахала как проклятая, сидела за учебниками. Была лучшая на курсе и уже тогда знала, что уйду в кардио. И когда у меня

уже была аспирантура… - сглатываю подступающие слёзы. – Заболела мама.

-Вот, чёрт.

-Да. Только… - боже, как же тяжело вспоминать-то. – Я уставала. Теряла себя…Мне казалось мир проходит сквозь меня. Я стала задыхаться в больнице, и вообще от разговоров о медицине. И ушла в отрыв. Если честно, я плохо помню тот вечер. Было много алкоголя, люди за нашим столиком сменяли с одних на других... А потом я проснулась за городом, у парня на даче.

-Тебя изнасиловали? – едва удерживая глаза и челюсть, подруга хватает мою руку.

-Нет, - улыбаюсь. – Парень был моим знакомым, подобрал меня в клубе и отвёз к себе, проспаться. Но оказалось, что проспала я почти сутки. Ночью не стала ехать домой, чтобы не тревожить родителей, а когда вернулась к обеду следующего дня… - на грудь падает мокрая капля. Я снова переживаю тот день. – Оказалось…у мамы был приступ на нервной почве. Так как я не явилась домой, они запаниковали, обзвонили всех знакомых, больницы и морги. Подняли знакомых ментов…И в общем…

-Может, давай не будем вспоминать? – переставляет стул и подсаживается ближе. – Тебе нельзя волноваться, а я тут со своими расспросами.

-Нет, я хочу…рассказать, - выдыхаю натужно, отпиваю чай, проталкивая колючий ком в горле. – Когда я приехала в

больницу, её уже оперировали. Я не успела, Оль...буквально на каких-то пару-тройку минут, потому что препиралась с отцом. Влетела в операционную, но уже была желудочковая тахикардия, а дальше… Я пыталась…пыталась её реанимировать, но…

-Ты сделала всё что могла, Каролина, - обнимает.

-Да, - отодвигаюсь и тру разболевшееся плечо. – Довела мать до гроба.

-Бред, - фыркает. – Нельзя довести до гроба. Ты это прекрасно знаешь. Значит у неё было заболевание, а нервный срыв его усугубил.

-Но нервный срыв был из-за меня! Я виновата! Я! – слёзы текут ручьём, но я их не чувствую.

В груди всё окаменело и расплющилось, как в тот день. Словно орган сжали, как мочалку, выдавив всю кровь и оно трепыхается на последнем издыхании, причиняя боль.

-Всё! – встаёт Оля и начинает собирать со стола посуду. – Разговор закончен.

-Ты чего? – быстро вытираю слёзы и кулаком прохожусь по грудной клетке, умоляю вернуться в норму сердцебиение.

-Отдохнула, отвлеклась называется, ещё хуже сделала, - бурчит тихо. – Лучше бы с Таем тебя оставила.

-Оль, - зову, но подруга не реагирует, продолжая бубнить себе под нос. – Оля!

-Что? Болит, - бросает всё.

Кружки со звоном звякают и термос, покачнувшись, па-

дает, разливая остатки ароматного чая.

-Мне это надо, понимаешь? – смотрю на испуганную девушку.

-Ты самый жестокий человек в мире, Данилова, знаешь об этом? – прищуривается, сверкает глазами.

-Знаю. Садись и слушай дальше, - медленно опускается в кресло.

Только я замолкаю, потому что не знаю о чём дальше говорить…После смерти мамы наступила затяжная зима в моей жизни, из которой я выбралась только благодаря Таю и Ванечке.

-И отец тебя винит за то, что ты пропала и у неё случился приступ?

-Нет. Он винит меня в том, что я не смогла её спасти. Не вернула назад. Приехала поздно. Он так просто бросался обвинениями, как будто вернуть её с того света, всё равно что позвать по имени. Словно не понимает, как это вообще происходит…

-Он был безумен от своего горя. Так же, как и ты, моя дорогая, - нежно гладит по голове. – Ты поэтому стала хирургом?

-Кардио? – уточняю.

-Да.

-Нет. Я уже тогда выбрала направление. Из-за бабушки по большей части. Ну и… Сердце единственный орган, который меня привлекал.

-А мозг? Он тоже интересен.

-Да, но в нейро надо стоять неподвижно несколько часов к ряду, и желательно не дышать. А мне нравится динамика. Ощущение подвижности, когда сердце запускается снова. Понимаешь?

-Ага, тебе нравится быть богиней, - стебёт и мы смеёмся горько.

Именно горько, так как воспоминания ещё не отпустили, и радость в душу не вернулась, а без неё…это не смех, это больше похоже на карканье.

-Так как вы познакомились?

Каролина

-Ну, Ванечку я буквально сняла с почти мертвой девушки, - усмехаюсь, вспоминая тот день.

-Да, ладно?!

-Мхм, - киваю.

Тот день не от знаменовался какой-то мега крутой операцией, но навсегда останется в моей памяти. Поминутно…

-Машина приехала! – слышу крик в приёмном отделении. – Вызовите травматолога и кардиолога.

Боже, дайте поесть, а?

Смотрю на свой надкусанный бутерброд и тихо хнычу.

Нашла называется спокойное место, чтобы поесть.

Когда эта смена закончится? Мои ноги, как сосиски. Кажется, я даже из кроссовок не смогу вылезти.

Выхожу из укрытия злая и голодная.

-Вызвали? – ровняется со мной Марина.

-Мхм, - дожёвываю на ходу бутерброд с сёмгой и авокадо.

-Меня тоже, интересно что там? – глаза горят одержимым огнём.

И это вызывает зависть…такую жгучую, что приходится отвернуться. Марина опытный травматолог. Женщина с мужской силой. Такая может не только вывихнутое плечо вставить на место одним движением, но и шею свернуть. Тоже, кстати, одним движением.

-Может там сломанные кости? Или…поражённый опухолью сустав, который надо заменить?

-О, Боги! – морщусь противно. – Марина, это же люди!

-Люди-люди! – всплёскивает руками. – Хорошо, что люди! Но я уже устала от простых переломов, от мелких ссадин. Будто, эти богачи не ломающиеся какие-то!

-Скучаешь по больнице?

-Очень…Как вспомню вечер пятницы, так плакать хочется. Тянет вернуться.

-И получать копейки, - напоминаю о заработной плате.

-Да-да, но там было море крови и горы раздробленных костей. Собирай, как пазл, хоть всю ночь. И почему людям так по хрен на свою жизнь?

-Потому что они знают, что тебе тогда будет скучно жить, - мило улыбаюсь.

Влетаем во вторую травму почти одновременно. Я на доли секунды переступаю раньше и застываю, как вкопанная. Ну, потому что не каждый день, увидишь такое…

-Э-э-эм, - а-а-а, - забываю вообще, что должна сказать. – Это как тут…вот это… у нас?

Чёрт! Господи! Всё на свете соединила в одном предложении. Сестра приёмного покоя тихо подхихикивая, начинает описывать ситуацию.

Сзади влетает в спину Марина и тихо охнув, похрюкивает.

-Девушка, на вид двадцать два год, при половом акте случился стеноз аортального клапана. Ввели физраствор внут-

ривенно и...

-А-а-а, - смотрю на голую, поджарую задницу парня, который буквально трахает девушку в бессознательном состоянии. – Он?

-Он – заложник, - разводит руками. – Во время приступа, влагалищные мышцы защемило, и она его буквально взяла в заложники. Во время транспортировки приходила в себя, но опять потеряла сознание.

Боже, хоть бы не заржать.

Идиотская ситуация…

-Оу! Испугавшаяся вагина, интересно, однако, – делаю губы уточкой, потому что смех прорывается наружу. А мне нельзя, я же всеми уважаемый кардиохирург. – Добрый вечер. Меня зовут Каролина Андреевна, вы не против я осмотрю девушку?

-Пожалуйста, - складывает ровно очерченные губы в узкую линию.

Лицо у парня, между прочим, тоже очень выразительное…не только ягодичная мышца…кхм…да.

-Как зовут вашу девушку?

-Она не моя девушка, - отводит взгляд.

-А-а-а, - охреневая в край, совсем неуместно тычу в место состыковки. – Это-о? Как? Споткнулся и вставил?

-Каролина! Андреевна! – взвизгивает Марина и смотрит ошарашенно.

Ну, да…моя компетентность вышла из чата.

-Что? Мне нужно выяснить причину, - развожу руки, так и не надев перчатки.

-Мы познакомились в клубе, - сквозь зубы рассказывает красавчик. – Поехали к ней и во время…секса случилось это.

-Да, уж…случилось, - обхожу по кругу, задерживая взгляд на волшебной заднице.

Боже, я б её сожрала!

Вот прям кусала бы каждую булку, мяла и чмокала. Она великолепна! Зачем мужикам такие шикарные, подтянутые задницы?

Ответ один, чтобы доводить нас женщин до умопомрачения.

-Дайте мне перчатку, пожалуйста, - неожиданно просит мужчина.

Медсестра растерянно смотрит на меня.

-Зачем вам перчатка? – интересуюсь, снимая с шеи стетоскоп.

-Хочу разъединить нас, или вы повезёте в операционную меня вместе с ней? – ехидно улыбается.

-Это было бы увлекательно, - отвечаю, прослушивая ритм сердца. – Но не удобно. В первую очередь мне. Дайте ему перчатку.

С ловкостью опытного хирурга надевает её на руку и прицелившись, раздвигает попу девушки. Без стимуляции, но аккуратно, вводит средний палец в задний проход и резко

оттягивает назад.

Девушка сдавленно охает и открывает глаза.

-Кажется, она кончила, - самодовольно улыбается этот гад.

Снимает перчатку и медленно вытаскивает член.

И это, пожалуй, контрольный выстрел в моё хрупкое женское либидо, потому что он прекрасен.

Чуть длинноват, но при его толщине – это скорее достоинство, чем недостаток и эта вздёрнутая к верху розовая, до сих пор напряжённая головка…ох…

Мать вашу! Хочу секса…

Уйти что ли в урологию?

Тьфу-тьфу, нет! Такой образец там появляется раз на китайскую пасху, а лечить вечный простатит, заболевание мочеполовой системы…Не-а!

-Нам нужно УЗИ и операционная, - отворачиваюсь от мужчины, он не стесняясь трусит своим хозяйством прямо перед медперсоналом.

-У вас есть что-нибудь накинуть, чтобы не ходить по больнице голым? Или мне опять в плед замотаться?

Опускаю глаза и…Стоит! Он до сих пор стоит! Этот мужчина на виагре что ли? Как в такой момент он может быть возбуждён.

-Дайте ему сорочку, - хитро щурясь, прошу медсестру. – Она вам будет к лицу.

-Подлецу, всё к лицу, - парирует, не мешкая.

Гладко выбритый подбородок…красиво очерченные гу-

бы, большие глаза и прямой нос…обычный мужчина. Вот только нихрена он не обычный…

Цвет глаз меняется в зависимости от настроения хозяина. Только что он был до жути чёрным, а теперь стал почти медовый и пара ямочек на щеках, сто процентов, свели с ума уже не одно женское сердце.

А эту девушку вообще до больнички довели. Хотя…возможно, в этот раз постарались не ямочки с глазами, а то, что гораздо южнее.

-Поехали! – бросаю последний взгляд на мужчину, и облизнувшись, выхожу из травмы.

-Охренеть! – Оля криком вырывает из воспоминаний. – Ни фига себе первое знакомство!

-Мхм, - соглашаюсь, откусывая морковный кекс. – М-м-м, вкусно. Маме скажешь, спасибо. – говорю между делом. - И ты права, не всем удаётся рассмотреть своего будущего парня сразу во всей красе.

-А дальше?

Ребят, завтра ложусь на плановую операцию. Как там будет не знаю, но по возможности буду писать и выкладывать главы.

Каролина...

-А дальше…Это, по-моему, была середина недели, или начало. Не помню точно. Я дежурила постоянно, работала на износ, чтобы не встречаться с отцом и стать самым крутым кардиохирургом. А Иван приходил к ней. Каждый день, как на работу, с цветами и фруктами. А в выходной меня пригласили на вечеринку. У знакомой был день рождения.

Стряхиваю крошки, оставшиеся после кекса на руках, и с удовольствием вспоминаю встречу с Таем.

-Скучно? – рядом плюхается молодой парень.

Слишком молодой и слишком наглый. Его годы отражаются в исключительно ровном лице и светлости кожи, а наглость…в руке, которая моментально приземлилась за моей спиной и прямо-таки выпрашивает сложный открытый перелом конечности.

-Нет, - вру, конечно же. – Очень весело.

Это не вечеринка, а посиделки тем, кому за пятьдесят. Но из вредности я в этом не признаюсь.

-Предлагаю пойти потанцевать, - оценивающе проходится по открытым ногам.

Взглядом доходит до края платья и застывает на моих бёдрах.

Мальчик хочет трахаться? Гормоны шалят? Или я настолько бесподобна? Ему хоть восемнадцать есть?

Нет, с этим вопросом, конечно, погорячилась. Он определённо совершеннолетний, но всё равно зелёный. Хотя…

-А пойдём! – неожиданно для самой себя соглашаюсь и вкладываю ладонь в его руку.

На танцполе прыгают не только подвыпившие гости клуба, но и разноцветные огни ламп. Кто-то умудряется даже танцевать с бокалом алкоголя, кто-то откровенно занимается сексом без раздевания…чувственный, разжигающий огонь похоти танец – прелюдия, к основному действу.

Я же, вместо приподнятого настроения, чувствую необычную лёгкость, словно мне что-то подмешали. Но я пила жидкость из бутылок, открытых при мне. Поэтому уверенна, что это действие алкоголя.

Расслабляюсь, двигаюсь в такт музыке. Иногда позволяю себе пошалить и соприкасаюсь бёдрами с его. Ощущаю волшебное действие своей задницы на его ширинку и мечтательно улыбаюсь.

Сколько я уже в завязке? Когда у меня был секс?

Давно…

Работа…работа…работа…иногда квартира. Строго – иногда, потому что там одиноко и пусто.

Тонкие, почти бескровные пальцы цепляются за ткань платья, но с каждым резким движением теряются в пространстве, так и не обняв меня.

Играю с ним, потому что это…весело. Ничего парню не светит. Хотя раньше, могла бы с ним уже зажигать где-ни-

будь по дороге в такси. К нему, или ко мне – не важно.

Сейчас же…я себе такого позволить не могу.

Как сильно на нас влияет потеря любимого человека? Охренеть, как сильно! Тот, кто не терял, никогда не сможет понять.

Но люди делятся на два типа…

Один потеряется и сломается, а второй…вылепит из своего горя нечто ценное и пустит в правильное русло.

Я – второй тип. По крайней мере стараюсь им быть изо всех сил, потому что ломаться внутри меня уже нечему. Всё давно сломано...

И быстрый перепихон в клубе…пусть и в элитном, меня теперь не прельщает и совсем не возбуждает.

-Я хочу тебя, детка, - выдыхает в ухо, и я улавливаю запах табака и…рыбы?

-Ты серьёзно? – поворачиваюсь к нему, смотрю на это инопланетное существо.

Кто, мать вашу, жрёт рыбу, перед тем, как идёт снимать девушек в клуб?

-Минуту! – отцепляю его загребущие лапки и сбегаю по тёмному коридору в туалет.

Вереница девушек дёргано-пританцовывающих у входа с табличкой «Ж» не внушает оптимизма. Занимаю, очередь и присоединяюсь к танцующим. То ли за компанию, то ли реально захотелось не знаю…но замираю на месте, так и не словив нужный ритм…

Чуть наискосок от меня ещё одна дверь. Она приоткрыта…А за ней…ещё одна, на которой нарисован писающий мальчик.

Туалет! – вопит красная лампочка в моей голове.

Сложно её игнорировать и я, оглядываясь по сторонам, приставным шагом добираюсь до первой двери. Просачиваюсь внутрь, аккуратно закрывая за собой.

Комната небольшая и, естественно, переделана под кабинет. Почему переделана? Потому что по стене идут трубы и вентиля, также в правом дальнем углу стоит рукомойник, значит раньше тут было, что-то другое.

Но, собственно, мне всё равно, главное – туалет.

Конечно же, я слышала стоны и шумную возню за дверью. И понимала, что войдя помешаю парочке. Но бля! Так хотелось писать, хоть стреляйся.

Открываю дверь и зажмурившись, переступаю порог.

-Ребят, прошу прощения, что прервала, - слегка приподнимаю ладонь и разглядываю пространство в метре от себя. Вижу кафельную плитку, край рукомойника и тумбы, а также вожделенный туалет. – Вы продолжайте, я только пописаю и уйду.

-Какого хрена? – застываю, делая пару шагов.

На подготовку первоклассного хирурга уходит без малого тридцать лет…и все мои года сейчас проносятся перед глазами за секунду.

Распахиваю веки больше из соображения самосохране-

ния…ну, потому что его голос – это чистый электрический ток покрытый бархатом. А властные нотки, как острые стрелы с парализующим ядом на остроконечнике.

-Я-я-я… - челюсть отвисает второй раз за неделю.

Как? Ну как такое возможно?

Мужчина…о-о-о, нет! Не мужчина! Передо мной стоит грех в мужском обличии и беззастенчиво трусит бесподобным мужским достоинством. Таким…гм…первоклассным что ли…

И снова меня посещает идея уйти в урологию…

Никогда не нравились красные, почти бордовые головки члена, но здесь…м-м-м…Я даже теряюсь в догадках, от чего меня больше прёт…От красивой головки, или от ровного, перевитого тёмными венами члена.

-Мои глаза выше, - раздаётся насмешливо.

-И на хрена мне твои глаза? – брякаю, так и не оторвав взгляд от отполированного ртом девушки члена.

-При извинениях смотрят в глаза вообще-то, - парирует ехидно.

-Я передумала, - всё же поднимаюсь взглядом выше.

Сглатываю, понимая только сейчас насколько я остро нуждаюсь в удовольствии, которое может подарить мужчина…Этот мужчина…

Сногсшибательный…сексуальный…голый…возбуждённый незнакомец.

Напряжённый треугольник косых мышц живота подраги-

вает от возбуждения, заставляя и половой орган вздрагивать в унисон.

Мамочки!

-Иди погуляй, - довольно резко бросает, будто в пустоту.

И я, пожалуй, с ним согласна, мне однозначно, после увиденного, надо прогуляться. Моё буквально скулящее либидо завывает от голода, а яйцеклетки стали собирать чемоданы.

-Я…да…пойду, пожалуй, - разворачиваюсь на пятках, чтобы красиво ими сверкануть.

Но тут же резко меня дёргает назад, а перед глазами взмахивает выразительный фак с ногтем покрытым красным лаком. Яркая блондинка вылетает из туалета быстрее, чем пробка из бутылки шампанского.

-А вас, девушка, я попрошу остаться, - хрипит обладатель второго лучшего в мире члена.

Каролина

Первое что улавливаю – это мурашки, пропитанные мелкими искорками электричества, которые расползаются от места соприкосновения.

Второе – это невероятную ауру почти голого незнакомца. Она включает в себя не только силу и харизму, но и необъяснимую власть над моим телом.

Закрываю глаза на секунду, пропускаю сквозь себя этот бешенный поток энергетики и едва не захлёбываюсь ею, когда он нагло прижимается сзади, упираясь членом чуть выше попы.

-Оу, - вылетает из моего рта.

Глаза открываются резко, а сердце переходит на сверх частоты, которые уже не отнести даже к тахикардии.

-Знаешь, Рыжик, кто может быть хуже неудовлетворённого парня?

Сглатываю, понимая куда он клонит. А клонит он к тому, что я прервала его шикарный минет. Может, конечно и не шикарный, но его!

-Кто? – коротко выдыхаю, заранее понимая, что совершаю ошибку спросив об этом.

-Вернувшийся с горячей точки голодный военный, - спускается ладонью по моей руке.

Нащупывает запястье и заводит за спину.

Меня словно парализует, ни сказать, ни дёрнуться. Стою, как прибитая к полу, и смотрю с ужасом и интересом на наше отражение в зеркале. Я даже забыла зачем вообще сюда пришла.

Жду дальнейшего объяснения его поведения, но оно не следует. Этот мужлан большим пальцем раскрывает мою ладонь и вкладывает свой охрененный член.

Твою же…

-Сожми, - приказывает хрипло.

И я пытаюсь…потому что интересно…и хочется до безумия…потому что мозги отключились…но моей маленькой ладошки не хватает, чтобы до конца соединить пальцы на этом стволе.

Господи-Боже! Он же военный…что он там сказал? Голодный…из горячей точки?

Мамочки! Он голодный!

И сожрать собирается меня? Меня?

Да он меня порвёт этим агрегатом, едва войдёт наполовину! А можно вернуть блондинку?

Удерживая мою руку своей, плавно водит от бордовой головки к основанию члена. Его бархатистость будоражит нервные окончание.

Выброс адреналина и серотонина происходит в считанные секунду. Едва пережив первый разряд от прикосновений, погибаю в другом…более порочном. Моя реакция на парня слегка пугает. Возбуждение, зародившееся в мозге,

стекает к груди почти незаметно, но затронув соски, мгновенно устремляется вниз живота.

И там…Божечки, как же горячо!

Я забыла каково это хотеть мужчину так сильно, что сводит всё внутри, а тело разбивает дрожью.

А было ли вообще у меня такое?

-Рыжик, ты хоть понимаешь куда вляпалась? – шепчет на ухо вопрос, забираясь рукой под платье.

Понимаю? Конечно понимаю!

Только мой мозг не может согласовать свои действия с телом, и поэтому я стою с ним в обнимку не решаясь послать хама, или же поцеловать.

И мне хочется…очень хочется повернуться к нему, прижаться к горячему мужскому телу, но я отчаянно пытаюсь вспомнить – кто я?!

А я – хирург! Между прочим, со светлым будущим и радужными перспективами! И мне уже нельзя, как в юности, забить на всё и раздвинуть ноги перед понравившимся парнем.

Нельзя!

-Нельзя, - хрипло произношу и поворачиваюсь к нему лицом.

И это вторая роковая ошибка за одну неделю…Первая была с Иваном – парнем, которого взяла в заложники испугавшаяся вагина.

Моя ошибка смотрит на меня чёрными глазами. В них от-

ражается ад и сладкие обещания эйфории от крутого оргазма.

И пока я веду войну со своим телом, незнакомец подхватывает и усаживает моё безвольное тело на маленькую тумбу в углу.

Резким движением вклинивается между моих разведённых ног и обхватив за горло большой пятернёй, впивается в губы.

Чё-о-о-орт! Это фантастика!

Жадные напористые губы олицетворение всего мужского, что есть в этом мужчине. Они словно вкачивают в меня его волю и желание. Нагло ворвавшийся в мой рот язык, порабощает и указывает место.

Горячая ладонь бездумно задирает платье, проводит от коленки до промежности.

Горю, будто кто-то поджог. Каждая клеточка тянется к нему. От рваных вдохов кислорода, смешанного с его древесным парфюмом, кружится голова.

Но по-настоящему теряю связь с реальностью только когда этот наглый вояка входит в меня без предупреждения.

Чуть приподняв меня за талию, буквально насаживает на свой ствол.

-Ох… - выдыхаю сдавленно, мысленно матерясь и ликуя.

Вошёл! Он вошёл…поместился…и чёрт меня раздери, но я едва не кончаю только от того что он внутри.

-Смотри на меня, Рыжая заноза, - властно удерживает ру-

кой за шею. – Меня зовут Тай.

-Не интересно, - дёргаю головой, чтобы освободиться от захвата.

-Аха-ха, - тихо, сексуально смеётся, глядя прямо в глаза. – Моё имя тебе понадобиться, чтобы кричать его во время оргазма…

-Пфф, сколько самоуверен… - заикаюсь на секунду, потому что он медленно выходит из меня и врезается обратно. - …ности-и…ох!

Заполняет меня полностью одним, слитным шлепком.

-Я так, гм, до пенсии не кончу, - подначиваю его, пытаясь двигаться навстречу.

-Сучка, - выплёвывает и отпускает мою шею.

Автоматически падаю ему на грудь, обхватываю мощные плечи руками, потому что он буквально сдирает меня с тумбочки и начинает трахать на весу.

Мир, покачнувшись, размазывается, как масло на бутерброде. Сосредотачиваюсь лишь на ощущениях…

А они…в меня словно литрами вливают наслаждение и счастье. Эйфория… захватывает полностью, вытесняя всё остальное из груди. А яркий комок возбуждения разрастается прямо между ног.

Яростные толчки незнакомца сводят с ума, но умираю от восторга вовсе не поэтому… Его стоны…

Боже, он стонет! Не хрипит, будто сдохнуть собирается, а стонет! Скупо, по-мужски коротко, но до чего же сладко,

чёрт!

Эти звуки влияют на меня очень странно. Возбуждающе…

Прижимаюсь к нему, хватаясь руками за плечи, чтобы быть ближе. Кожа к коже.

Тяну за чёрную рубашку…хочу снять, конечно же, но…

-В общественном туалете предпочитаю не оголяться полностью, Рыжик, - останавливает меня.

Боже, совсем крыша поехала! Но как оставить себе хоть крохи разумности, когда из тебя выбивают даже душу?

-Ах, - закатываю глаза, чувствуя накатывающие волны оргазма.

-Скажи моё имя, - рычит, прикусывая моё плечо.

-Иди к чёрту, - огрызаюсь, потому что тонкая нить наслаждения обрывается. – Не отвлекай!

-Хочешь кончить? – зло щуриться, пытаясь заглянуть в мои приоткрытые веки.

Резкий и быстрый выпад мужских бёдер, точное попадание прямо в цель, и я взвизгиваю от удовольствия, которое, так и не достигнув пика, распадается затрагивая миллиарды нервных окончаний в моём теле.

-Да, блять! – ругаюсь, как сапожник.

Но мне уже всё равно, я хочу свой оргазм!

-Я позволю тебе кончить, если назовёшь моё имя, Рыжая, - продолжает издеваться надо мной.

Возможно…только возможно, если бы я не была на голод-

ном пайке настолько продолжительное время, то смогла бы дать достойный отпор, но сейчас…

Я словно растворилась в ощущениях, утонула в этом мужчине, и мир, который был важен буквально несколько минут назад, стал абсолютно ненужным. Главное в данную секунду — это член, который будто издеваясь то ускоряется, то замедляется.

Опускаю устало голову на его плечо и тихо постанываю, умирая раз за разом…

-Боже, - откровенно скулю в ожидании смерти.

Можно умереть от недотраха?

-Тай, - нагло поправляет меня.

Отрицательно мотаю головой.

Не назову! Нет, нет и нет!

Можно было бы, конечно. Но что-то останавливает…может быть спящая мазохистка внутри меня?

Тай же словно почувствовав мою внутреннюю борьбу, выходит полностью из меня и продолжая держать на руках, подходит к стене.

-Если не хочешь, чтобы я тебя трахнул как шлюху, у раковины или лицом к стене, раком, то назови моё имя.

А-а-а-а! Мать твою!

Чего я ломаюсь? Скажи уже это чёртово странное имя, Каролина!

Но мужчина всё решает за меня. Ставит на ватные ноги и развернув лицом к стене, врывается сзади.

-Ох, блять! – ловлю яркие звёзды перед глазами и оседаю к его ногам.

Ловко перехватывает почти у земли, возвращает в исходную позицию и вдалбливается в мою дырочку, как одержимый.

-Ах…Боже… - кажется я умираю. Воздуха катастрофически не хватает. Всё плывёт и пляшет перед глазами. – Да! Да! Да!

Несколько быстрых фрикций возносят меня на Эверест, и я взрываюсь, превращаясь в облачко.

-Тай, - выдыхаю последнее, перед тем, как упасть в оргазмический обморок.

-Охренеть блять, мать! – Олька подпрыгивает на кресле. – Вот это у вас знакомство вышло.

-М-да, - прячу глупую улыбку за кружкой с травяным чаем.

-Но-о, слушай, не моё, конечно, дело… - нервно теребит пергаментную бумагу от кексика. – Но блин! Вы без презика что ли?

-А вот тут, дорогая подруга, самое интересное. С презиком, но когда он его надел, я сказать не могу. Честно… - опускаю голову. – С Таем с самого первого раза, как в эпицентре смерча. Засосало и всё.

-Ты отвратительна, - фыркает, и бросает в меня бумагу. – Как можно так беспечно?

-Ой, иди нахрен, а?! Дай Бог, чтоб тебе попался такой же,

как Тай, тогда бы я посмотрела на тебя.

-Хорошо хоть у него мозги работают, - стебёт подруга. – Стоп! А откуда ты знаешь, что вы с презиком если даже не заметила?

-Господи, ты как маленькая, анализы сдала.

-Не поняла? А это причём тут?

-А это уже следующая наша встреча. И произошла она через неделю и миллиарды сожранных нервных клеток спустя.

-О-о-о, рассказывай! – требует подруга, но на её телефон поступает звонок. – Да? – я не знаю кто звонит, но отчего-то моё сердце сбивается с ритма. – Мы сейчас будем!

-Что случилось? – встревоженно подаюсь вперёд и нечаянно облокачиваюсь на раненное плечо. – Ай! Чёрт!

-Ванечка твой проснулся, - одним движением сгребает остатки ужина и хватается за ручки коляски. – Погнали здороваться.

-Давай быстрее, - подгоняю, растирая плечо.

-Ага, только ты запомни, на чём мы остановились. Я требую продолжения!

Ванечка

Что ощущает человек после аварии и операции?

Боль…

Тянущую, давящую, порывами острую.

Впечатление, будто она захватывает твоё тело по кусочкам.

Когда просыпаешься, ярко чувствуешь ноющую боль в области шва, и спустя пару минут, она расползается и сжигает каждую клеточку твоего тела…

Но несмотря на это, первая мысль…

-Рыжик? - перед глазами всё плывёт, и я даже не знаю, сказал ли вслух, или же мысленно говорю сам с собой. – Тай?

В груди срывается сердце. Оно вылетает на поиски своего кардиохирурга, но голос, что разрывает барабанные перепонки совершенно другой. Знакомый, но не родной.

-Здравствуйте, Иван Ильич.

Ирина, медсестра из травмы. Значит я дома. Это хорошо.

Вдыхаю чистый кислород и захожусь в кашле, который противно дерёт горло.

-Сейчас-сейчас, не спешите. Я уберу трубки, - лепечет девушка, размазываясь мутным пятном в глазах.

Чёрт! Как же хреново-то…

-Где… - каркаю, вместо слов.

-Тимур Алексеевич сейчас подойдёт, он вышел к главвра-

чу. Потому что Владислав Юрьевич обходит вашего…гм… Тимура Алексеевича десятой дорогой. Наш общий хирург всю душу вытрусил из-за вас всему персоналу.

Болтушка, однако. Мелит языком не думая.

-Каролина?

-Она тоже где-то здесь. С ней всё в порядке. Относительно.

В порядке…Относительно…И если первое слово вселяет радость, то второе тревогу.

-Что значит…относительно, - говорить не только больно, но и трудно.

Ощущение будто воздух застревает в глотке, и вытолкнуть из себя хотя бы звук, становится проблематично.

-Ой! – поворачивается к двери. – А вот и Тимур Алексеевич.

-Очнулся!? – Тай в два шага оказывается рядом. Нависает, полностью закрывая искусственный свет лампы. – Ну, и напугал ты меня, братишка.

Тихий смешок вырывается непроизвольно. Потому что братишкой он называет меня только в критических ситуациях. Такое было пару раз на самом деле.

Один, когда на наш лагерь был налёт. Второй, когда нас отправили на гражданку. И вот сейчас третий…За это надо бы выпить.

-Ты как? – задаём вопрос одновременно.

-Нормально, - пока я набираю с трудом воздух в лёгкие,

Тай успевает ответить. – А ты?

-Не могу пока похвастаться. Какие перспективы?

Только сейчас понимаю, что за тревогой о близких людях, не проверил даже моторику.

С замиранием сердца шевелю пальцами рук. Больно, конечно, но это хорошо, значит они при мне. А ноги? Здесь сложнее…Пока не отключился, прочувствовал всё. Несмотря на то, что джип у Тая как танк, передок не хило так въехал в меня.

Острая боль простреливает обе ноги, и я скривившись, втягиваю воздух сквозь зубы.

-Сука… - ох мать вашу, как больно-то.

-У тебя сломана нога, не дёргайся.

-Ты как всегда нежен, Тай, - получается даже сказать с сарказмом. – Одна?

Уточняю, потому как болят, до звёздочек в глазах, обе.

-Одна.

-Сильно?

-До рож…до свадьбы заживёт, - сжимает здоровую руку. – В руке трещина. Поболит чуть-чуть.

-Да, понял уже.

Между нами повисает тишина, и она давит, слегка пугает, потому что эта тишина другая. Не спокойная, как обычно, а тяжёлая, многообещающая.

Понять бы ещё, что именно она обещает.

-Как Каролина? – сжимаю здоровую кисть в кулак.

Не сидел бы он так, если бы с нашей малышкой что-то случилось. Уверен в этом.

-Ольга забрала её отдохнуть… - опускает глаза. – От меня.

-Задрочил? – ухмыляюсь.

-Переживал, - поправляет.

-Ну да, конечно, - скептично закатываю глаза. – Что у неё по травмам.

-Жить будет. Пальцы на ногах сломаны и плечо тоже потянула. Не критично, поэтому не переживай, - и опять этот взгляд мимолётный, и опять глаза в пол.

Что, блять, происходит?

-Тогда чего ты менжуешься? – бью в лоб.

-Я не менжуюсь, - фыркает. – Просто об остальном, она должна тебе сама рассказать. Я так думаю.

-О чём? – тревога моментально заполняет душу.

Ответить другу не даёт стук и шелест колёс коляски. Сначала показывается мой Рыжик, а следом и её подруга – Ольга.

Она изначально мне не понравилась, слишком…своенравна. А в тандеме с Каролиной – полный зашквар. Но узнав девушку чуть ближе, понял, что вся бравада напускная. Обычная самозащита от окружающего дерьма, а как подруга, блондинка бесценна.

-Привет, - тянется ко мне мой лучик солнца.

Согревает своей растерянной улыбкой, ластится к моей руке. Прикладывает к своей щеке, целует пухлыми губками,

проверяя мою силу воли.

-Привет, - оглаживаю большим пальцем бархатную щёку. – Ты чего такая бледная?

-Переживала, - отвечает коротко, оставляя лёгкие поцелуи на внутренней стороне кисти.

-Это я виноват. Прости. Засмотрелся на вас и…

-Ты не виноват! – перебивает Каролина.

-Не неси херню, Вань, - влезает Тай. – Никто не виноват. Только тот олень, что налетел на нас.

-Кстати, как он?

-Он…его ищут.

-В смысле?

-Водитель скрылся с места ДТП. И полиция рассматривает вариант… - друг отворачивается и взъерошивает волосы. Тай нервничает. Это очень плохо. – В общем, это было не случайное ДТП.

Быстро переварить и усвоить эту странную информацию не получается. Но, слава Богу, никто из присутствующих не торопит с ответом, или реакцией.

Покушение…

На кого?

Я? Тай? Рыжик?

Рыжик – точно нет. Это маленькое солнышко только с виду зажигалка без тормозов, внутри неё прячется маленький напуганный зверёк, которому нужна ласка и забота. Максимум на что она способна – послать нахрен тётку в очереди.

Остаёмся мы с Таем. Здесь сложнее.

Каждый из нас имеет довольно тяжёлое прошлое, и желающих сократить нашу жизнь до минимума предостаточно. Но сейчас думать и решать что-то не стоит.

-Полиция разберётся, - говорю нужные слова.

Каролина кивает и скованно улыбается, а друг рвано выдыхает.

-И сколько мне тут лежать? – ворчу, чтобы разрядить обстановку.

-Месяц, - спокойно отвечает Тай. – В лучшем случае. Потом физиотерапия.

Я и без него знаю прогноз по выздоровлению, но сейчас срочно необходимо сменить вектор разговора. Атмосфера накаляется, и если мы с Таем перенесём правду и домыслы без проблем, то наше солнышко может впасть в панику.

Женщины – хрупкие создания.

-Оль, - глухим, дрожащим голосом Каролина обращается к ребятам. – Тай, вы не могли бы…выйти.

Все присутствующие застывают и смотрят во все глаза на неё. А меня накрывает тревога и страх. Что не сказал мне Тай? О чём она хочет поговорить?

Оля и друг выходят молча, бросая на меня загадочные взгляды. И если Ольгин я даже расшифровывать не возьмусь, то взгляд друга тревожит не на шутку.

В нём отчётливо улавливается тоска и…зависть. Такое я вижу впервые…

Тихий щелчок дверной ручки срабатывает, как выстрел в тишине, заставляя солнышко оцепенеть.

-Эй, Рыжик, ты чего? – тянусь рукой к ней.

-Ванечка, - жалобно произносит моё имя, опускает свои красивые, синие глазки. – Я должна тебе кое-что сказать.

Взрослая женщина ведь, потрясающе талантливый хирург, который держит не только сердца пациентов в руках, но и наши с Таем яйца, но иногда…Иногда она становится маленькой девочкой. Робкой, испуганной и ранимой.

Потрясающая…Моя…Наша…

-Чтобы это не было, Каролин, мы всё переживём, - подбадриваю, хотя сам уже теряю равновесие. Как не пытаюсь себя успокоить, что она себе что-то надумала, сердце беспокойно и упрямо стучит в ожидании какого-то дерьма. – Что случилось, Рыжик?

-Ванечка, - подвигается ближе, жуёт белоснежными зубками пухлые губки. – Ванюш…я кажется беременна.

Выстрел! Оглушительный…с ног сшибающий…

-От тебя.

Каролина

Как-то до этого момента я не думала о том, что скажу ему о ребёнке. То есть думала, конечно же, но…

Проблемой стало другое – что именно сказать, какие слова подобрать…чтоб не добить его этой новостью. Масса роликов в интернете на бэби-тему вселяет неуверенность в таких, как я…Абсолютных не романтиков. Может стоило сделать это как-то красиво?

Но обстоятельства не позволяют, и неизвестно, какая реакция будет на новость. Всё же это внезапно…

-Ванечка, - глубокий вдох. – Я должна тебе кое-что сказать.

Ну, давай, Каролина, просто скажи. Он всё равно узнает через пару месяцев, когда начнет расти живот. Да и Тай опять же…Оля…Боже, половина лаборатории и главврач…Они не дадут Ване жить в неведение. Лучше сказать самой.

-Чтобы это ни было, Каролин, мы переживём, - гладит горячими пальцами по моей холодной щеке. Успокаивает. – Что случилось, Рыжик?

Господи, что ж так тяжко-то?

И почему я решила, что Ваня не обрадуется? Может он всю жизнь мечтал о ребёнке…Ага, особенно от женщины, которую делит с другом.

Сюрприз, твою мать!

Мне, кажется, я уже искрю от напряжения в нервных окончаниях.

Фух…

Всё! Чем дольше тяну, тем быстрее получу инфаркт.

-Ванечка, - и где эти нужные слова… - Ванюш, я, кажется, беременна…От тебя.

Сказала…

Боже, я сказала!

Но…

Почему он не реагирует? Молчит и смотрит, словно я пришелец.

-Вань? – голос дрожит.

Да я вся дрожу и покрываюсь мурашками, потому что он не реагирует.

Я сломала Ваню.

-Ты только не переживай, хорошо? Если не хочешь…я могу…

Что могу?

Об аборте даже речи быть не может. Эта жизнь стала важна для меня. Тогда, что я могу?

Не обременять…единственное возможное предложение. Я смогу поднять своего ребёнка без отца? Смогу…только не хочу так.

Ему нужен отец…а мне нужен Ванечка.

И Тай.

Ужас! Я ненормальная. Странная женщина, извращенка.

Развлекаться, встречаться с двумя не проблема, но жить…создавать семью?

-Рыжик, - пару раз моргнув, выдыхает любимое прозвище.

Поднимаю глаза и с замиранием сердца смотрю, как его красивые губы, на бледном лице, расплываются в улыбке.

-Умеешь же ты…воскрешать, - хмыкнув тянется ко мне.

Подаюсь вперёд, тыкаюсь в протянутую руку, словно котёнок.

-Ты… - поднимаю глаза, и вижу, как от искренней улыбки расползаются вокруг глаз мелкие морщинки. Слова застревают в горле комом.

-Я рад. Безумно, - говорит тихо, ласково. – Дети – это счастье, а ребёнок от любимой женщины, божественный дар.

-Боже, Громов, ты после аварии решил удариться в богослужение? – фыркаю и заливаюсь смехом.

-Я, между прочим, верующий, - дёргает бровями. – Ты просто не знала.

Да, не знала. Такие моменты мы не обсуждали, зато знаю какой скальпель и шов он предпочитает. Как сильно переживает за своих пациентов, и насколько ему важен каждый из них.

Выдыхаю нервозность и расслабляюсь впервые с того момента, как узнала о ребёнке.

Молчание, повисшее в воздухе, не отягощает, а тактиль-

ные прикосновения способствуют успокоению.

Умиротворение – вот правильное слово тех ощущений, что я испытываю в данную минуту.

Мы живы. Все четверо.

-Всегда любил детей, но никогда не думал, что у меня будет свой, - задумчиво говорит.

-Или своя, - поправляю.

-Или своя. Похожая на тебя. Рыжая вредина, - улыбается. – Иди ко мне.

За спиной тихо открывается дверь, настолько бесшумно, что догадаться о присутствии человека невозможно. Но я его чувствую…

Тай. Второй любимый мужчина. Каждая клеточка начинает вибрировать в его присутствии, только он и Ванечка так влияют на мой организм.

-Ты живой? – спрашивает, хмуро глядя на улыбающегося Ванечку.

-Живее всех живых, - обнажая ряд ровных зубов, гордо заявляет будущий отец. – Слышал? Я стану папочкой.

-Поздравляю, - сжимает руку Вани, чуть выше кисти. - Ты заслужил.

-Ты тоже. – роняет.

Их диалог слегка напрягает. Я уже поняла, что Тай тоже хочет малыша. Возраст влияет, или здоровая конкуренция между мужчинами, не знаю.

Но так тревожно становится на душе – хоть вой.

Если Тай так хочет ребёнка, то вполне возможно, он начнёт искать, подбирать для него маму. И ею точно стану не я.

Жалобно всхлипываю втягиваю воздух.

-Эй, ты чего загрустила, Рыжик? – тут же ловит малейшие изменения в моём лице.

-Ничего. Гормоны просто, - отмахиваюсь.

Вижу, как они переглядываются между собой, но не встреваю, не пытаюсь разгадать молчаливый диалог мужчин.

Мне и без их тараканов хватает переживаний.

Конечно же, я знала, что когда-нибудь наша тройка распадётся и кто-то останется, кто-то уйдёт. Но как оказалось, я к этому совершенно не готова. Не сейчас!

-Иди-ка сюда, - Тай аккуратно поднимает меня на руки, сам садится в кресло и меня устраивает на своих коленях. – Удобно?

-Мхм, - киваю, утыкаясь в мужскую грудь.

Боже, как же он пахнет вкусно. Тяну аромат, захлёбываясь слюнями. Гормоны, что б их черти драли!

Кто-то нюхает бензин, кто-то грызёт мел, а я видно буду все девять месяцев вдыхать аромат моих мужчин, словно токсикоманка.

-Рассказывай, - как всегда коротко говорит Тай.

-Всё хорошо, - выкатываю свою обычную отмазку.

-Хорошо, - терпеливо вздыхает. – Давай тогда поговорим, пока Иван не отъехал опять.

-О чём? – отрываюсь с трудом от груди.

-Как мы будем дальше жить. Это главный вопрос, - закашливаясь, говорит Ванечка.

-Как? – ужас накрывает неожиданно. Не думала, что вот так сразу они решат разорвать отношения.

-Предлагаю переехать к тебе, - говорит Ваня и смотрит почему-то не на меня, а на друга.

-Я не против, но надо, наверное, сначала ремонт сделать, - отвечает спокойно Тай. А дальше вообще разговор заходит в русло, в котором я теряюсь, как ребёнок на базаре. Только хлопаю глазами и перевожу взгляд с одного на другого.

-Детская? – коротко спрашивает Ванечка.

-Ну да, и наша спальня. Если снести стену соединяющую спальню и гостевую комнату, то можно сделать одну большую и гардеробную для Рыжика.

-А из соседней маленькой, детскую, - договаривает за другом Ваня.

-Точно, - соглашается. – Но начинать надо уже сейчас, чтобы успеть к вашей выписке.

-А тебя когда выписывают? – вставляю свои пять копеек.

-Уже выписали, - быстро чмокает меня в губы.

Так, что-то я не поняла?

-Что именно? – поворачивает мою голову удерживая подбородок. – Что не поняла?

Я это вслух сказала, что ли?

-Мы не расстаёмся?

Сердце на мгновение перестаёт гонять кровь и тело по-

гружается в тишину. Звон в ушах от напряжения выбивает меня на пару секунд из реальности. И возвращаюсь я, только когда Тай жадно захватывает мои губы, а рядом раздаётся шипение.

-Ну вы и засранцы! – рычит Ванечка. – Это мне положен обезбол в виде поцелуев!

-Я всё пропустила, - признаюсь, едва меня отпускают губы Тая.

-О каком расставании вообще речь? – Тай вздёргивает мохнатую смоляную бровь вверх, ждёт ответа.

А мне кажется, я под его тяжёлым, черным взглядом уменьшаюсь в размерах буквально на глазах. Становлюсь маленькой, несмышлёной девочкой, забываю напрочь о том, что я первоклассный кардиоторакальный хирург.

-Ты хочешь расстаться? – удивлённо спрашивает Ваня.

-Я? Нет., - Боже-Боже, походу я всё не так поняла. – Просто я подумала, что вы… - перевожу взгляд на Тая. – Что ты…захочешь тоже ребёнка.

-Хочу, - соглашается.

-И будешь искать себе женщину… - даже эти слова приносят боль, как выговорить остальное?

-Зачем? – хмурится. – Я уже нашёл.

Нашёл? Уже?

Стоит мне дёрнуться в попытке встать, как меня тут же придавливают двумя огромными руками.

-Мне другая не нужна. У меня есть ты. Родишь Ивану сы-

на, потом мне дочь, - улыбаясь, заглядывает в глаза.

Смотрю на него и не верю своим ушам, глазам, вообще всему происходящему.

Такое бывает?

-А теперь быстро по койкам! – командным тоном отдаёт приказ Тай. – Ты спать, - тычет в Ивана. – А ты к себе на диван и то же отдыхай. Чтоб, когда я приехал, ты выглядела бодрой и отдохнувшей, иначе трыдюлей получит Ваня, потому что тебе нельзя.

-А ты куда? – вырывается прежде, чем успеваю сообразить.

-Съезжу домой, найду бригаду, чтобы начать ремонт и вернусь.

Укладывает нежно на диван, укрывает пледом и оставляет поцелуй на щеке.

Боже, за что мне такое счастье?

Каролина

-Нет, на УЗИ мы приедем позже. Все вместе, - отвечаю по телефону Оле, придерживая его уже почти здоровым плечом.

-Вы сегодня уезжаете? – встречный вопрос, заставляет меня улыбнуться широко и искренне.

Больше месяца в больнице в статусе пациентов, вымотали капитально. Никогда бы не подумала, что так ужасно просто лежать, ничего не делая. Тяжелее всех было Ванечке.

И если я смогу через неделю вернуться к операционному столу, то ему туда вход заказан ещё месяц.

Реабилитация, черт бы её побрал!

-Да, слава Богу! – восклицаю, скидывая в сумку одежду.

-Жаль не могу присутствовать на выписке, но я мысленно с вами.

Оля уехала на конференцию в другой город. Как сказал главврач, отдохнуть, набраться впечатлений. Но для таких фанатиков своего дела, как мы – это наказание.

В трубке послышалось шипение и брань. Напрягаюсь, прислушиваясь.

-Оль? – зову подругу. – Что там у тебя?

-Если скажу, всё равно не поверишь, - шипит змеёй и опять ругается.

-А ты попробуй, - сметаю все принадлежности с раковины

и кидаю в косметичку.

-Меня поселили в номере с двумя отморозками!

-Что? – останавливаюсь, как вкопанная.

-Да! И они, напившись вчера, вломились в мою спальню! – грустно вздыхает. – Вот…теперь выгнать не могу…Да убери ты руку, чёртов буйвол!

-Э-э-э…Оль?

-Да-да, я тут…Боже, я сейчас задохнусь, убери свою руку, блять!

-Господи, что у тебя там происходит?

-Эти травматологи меня сейчас сломают своими огромными ручищами, - орёт, пыхтит и шуршит чем-то.

-Травматологи? Другого номера что ли нет?

-Да у них здесь тоже симпозиум проходит. Ты думаешь мне в кайф с двумя мужиками спать в одной кровати? – рявкает так, что приходится отнять трубку от уха. Но тут же выдыхает и извиняется. – Прости, Лин, это к тебе не относится. Просто если тебе это в кайф, то мне нет. Я за традиционный секс. Один член и всё такое. Понимаешь? Просто я хочу в туалет, а эти члены…общества, меня не отпускают.

-В смысле? – обескураженно смотрю на вошедшего Тая.

-Всё готово? – спрашивает, глядя на сумки.

-Да, забирай. Я сейчас, - отвечаю ему и опять возвращаюсь к разговору. – Как так получилось, что ты с мужиками в одном номере?

-Чего? – роняет сумку Тай и поворачивается ко мне.

Закатываю глаза и машу в сторону двери, мол иди, потом расскажу.

-Потому что у секретарши нашего заведующего отделением гинекологии только ноги рабочие, чтобы раздвигать! Она забыла заказать мне номер, а эти двое громил вроде как отменили бронь, но потом передумали и приехали… - выдыхает натужно. – Короче, Лин, давай, мне на-до-в-ту-а-а-лет, блять!

Отключилась без прощания…Стою и тупо пялюсь на телефон.

Загадочно, однако…

Домой приезжаем, конечно же к Таю. Пока мои мужчины выбираются из машины, достают костыли и сумки, я по-хозяйски прохожусь по новому дому.

До сих пор не верю, что согласилась на эту авантюру.

Жить втроём…это не тоже самое, что спать втроём.

Но помимо главного вопроса – получится ли у нас ужиться…Меня тревожит ещё одни…

В скором времени отец обо всём узнает. Если уже не знает.

Это только вопрос времени. И как он поступит известно лишь одному Богу.

В его силах изгадить не только мою карьеру, но и моих мужчин. Наверное, стоит всё же им всё рассказать, подготовить к грядущему пиздецу.

-Освоилась? – сзади обнимает Тай, человек, который хо-

дит абсолютно бесшумно.

-Ещё не успела, - улыбаюсь, складываю свои ладони поверх его, которые он умостил чуть ниже моего пупка.

Лёгкое поглаживание больших пальцев успокаивает и вселяет надежду, что у нас всё получится.

-Если тебе что-то не нравится, можем переделать, - дыханием вызывает мурашки на плечах.

-Нет, мне всё нравится, честно.

Конечно, интерьер дома впечатляет мужским вкусом. Готическая гостиная, огромные окна, бар в углу…Тут явно не планировалось уютное семейное гнёздышко.

Но мы не семья…не стандартная во всяком случае. Поэтому менять ничего не стоит.

А если честно, хотя бы самой себе, ощущение у меня, что я тут ненадолго. Словно заглянула в чужую жизнь на минутку, и в скором времени вынырну из этого мира в свой. В ту безжалостную реальность, где я останусь опять одна без своих мужчин.

-Мне кто-нибудь поможет? – ворчит Ванечка, медленно ковыляя к дивану.

Спохватываюсь и выпутываюсь из объятий Тая, чтобы помочь болезному. Вообще Ваня довольно прилежный пациент, не ругается, не психует, пьёт лекарство, но иногда, когда Тай рядом и пытается поласкать меня, Ванечка начинает ворчать. Вряд ли это ревность, скорее бесится, что сам не может это сделать.

Устраиваю удобно его ногу. Гипс сняли, но нагружать ещё запрещено, поэтому костыли и длительный покой, перед физиотерапией.

День проходит довольно суетливо, пока я разбирала вещи, загружала стирку, Тай сбегал в магазин и купил недостающие продукты. Ваню мы определили в кухне на высокий стул. Другой подставили под ногу, чтобы было удобно.

Сами принялись за готовку. И этот момент навсегда останется в моей памяти, как самый восхитительный.

Мы много раз оставались ночевать друг у друга. В основном у Вани, или у меня, потому что дом Тая находится далеко от клиники. Готовили кормили друг друга, но сегодня почему-то всё по-особенному.

По-семейному…

И очень жаль нарушать эту идиллию рассказом о семейной драме.

-Вот здесь болит, - поскуливая совсем не театрально, а почти по-детски, Ванечка подставляет шею для поцелуя.

-У тебя же нога сломана? Почему шея болит? – щурюсь, наклоняясь, чтобы поцеловать.

-Ты ничего не понимаешь, - фыркает и хватает за руку, усаживает на здоровую ногу. – Это как с сердцем, всё взаимосвязанно. Понимаешь?

-Не-а, - улыбаюсь и чмокаю в колючий подбородок. – Пора бриться.

-Завтра, - отмахивается.

-Ужин готов, - объявляет Тай. – Вань, отпусти Рыжика, она и так ест чёрт знает как. Сегодня только завтракала.

Упрёк достигает цели, но я молчу. Понимаю, что мне теперь необходимо следить за своим здоровьем в два раза усерднее, но всё время случаются какие-то препятствия на пути к обеденному столу.

-С завтрашнего дня буду есть за двоих! – торжественно клянусь, под двумя внимательными взглядами.

-Можешь не стараться, - скептично улыбается Тай. – Мы сами за этим проследим.

Боже…закатываю глаза и цепляю нежную отбивную вилкой. Сыр тоненькими ниточками тянется следом, фасоль приятно хрустит на зубах, но что-то не так…

Только что?

Тщательно пережёвывая, глотаю блюдо, но оно застревает в глотке. Хватаюсь за бокал с водой, жадно отпиваю большие глотки. Пытаюсь протолкнуть и…

-Чёрт! – срываюсь с места и несусь в ультра модную ванную комнату, на первом этаже.

Мой желудок в корне не согласен с выбором ужина.

Плохо…это очень плохо, потому что это значит, что наступил…

-Токсикоз, - сзади слышу тихое сопение Тая. – Возвращаемся в больницу, Рыжик.

Каролина

-Не накаляй, - бросаю раздражённо, споласкивая рот. – Это всего лишь токсикоз.

-Иди сюда, - решительно подхватывает на руки и уносит в гостиную на диван. – В твоём состоянии даже лёгкий токсикоз опасен.

Выражая своё опасение, наверное, забывает, что я тоже врач. Закатываю глаза, психую, но позволяю утопить меня в горе чёрных матовых и глянцевых подушек.

-Сиди, - приказывает суетливо, пока Ванечка ковыляет в нашу сторону. – Я позвоню ИЦХ забронирую палату и вызову Сереберцева.

-Он в отпуске, - напоминает Ванечка.

-Ничего. Выйдет раньше, - отмахивается.

-Воу-воу-воу! – поднимаю руки. – Потише, ковбой! Ты чего, Тай? Вспоминай азы, токсикоз средней или тяжёлой степени, если его не лечить, может привести к обезвоживанию. В доме три хирурга, которые сто процентов могут поставить одну капельницу! Зачем мне обратно в больницу?

-Хитрая, да? – прищуривается, как лев на солнышко. Обнажает ряд ровных зубов и подаётся ко мне ближе. Сглатываю…потому что знаю, сейчас получу трындюлей. – Тогда вспоминай дальше теорию…если токсикоз средней, или тяжёлой степени не лечить, то он вызывает функциональные

нарушение в организме носителя, то есть мамочки…

И от это слова «мамочки»…по моему телу разлетается горячая стрела…

Я – мамочка…

Вау!

Улыбка растягивает губы, под хмурым взглядом любимого.

-Чего ты улыбаешься? Каролина?

-Ничего, просто…

-Не просто. Если патологические процессы будут прогрессировать на фоне отсутствия лечения, возникнут дистрофические процессы в органах…печень, почки, мозг, сердце. Хочешь сразу после родов пересадку?

-Боже! – закрываю руками лицо. – Ваня, ну хоть ты ему скажи! Меня стошнило только один раз!

-Я с ним согласен, - вспотев, падает на кресло.

Ему ещё тяжело даётся передвижение на дальние расстояния, из-за травмы грудной клетки постоянные отдышки.

-Значит, так! – включаем врача, по-другому с ними не справиться. – Сейчас я позвоню Оле, и если она скажет ложиться, тогда и лягу!

Мой телефон волшебным образом мгновенно оказывается в моих руках. Под двумя парами буравящих глаза, набираю подругу.

-На громкую, - требует Ванечка.

Кривлюсь, но выполняю.

-Да, Лин? – опять что-то происходит, бежит куда-то что ли.

-Оль, у меня, кажется, начался токсикоз…

-Тебя рвёт? – тут же включается подруга. – Началось сегодня? Сколько раз уже вырвало? Ты воду пьёшь? Не вздумай ходить, от обезвоживания может голова закружиться.

-Подожди ты! – перебиваю, пока она меня не похоронила под вопросами. – Один раз стошнило, только что. А Ваня и Тай заставляют ехать обратно в больницу.

-Так, - задумчиво тянет. – Смысла туда пока ехать нет. Утренняя тошнота это нормальное состояние беременной. В твоём случае, главное, чтобы она не переросла в суточную. И так как сейчас уже не утро… - тонкая, угнетающая пауза, как предвестник чего-то очень нехорошего. – Каролина Андреевна?

-М? – тихо тяну, жалобно глядя на Тая.

Красивый такой…В чёрных джинсах и синем свитере с закатанными рукавами…секси мальчик…

-А ты сегодня что-то ела, или сейчас был первый раз?

-Первый, - сквозь зубы отвечает за меня Тай.

-Не первый! – пытаюсь оправдаться, но поздно.

-Ты в своём уме? – рявкает мой врач. – Твоё питание это единственное о чём ты должна думать сейчас. Голодом ребёнка моришь!

-Да, блин, - психую. – Я ела сегодня. Тай! – рявкаю на засранца, видя его довольное лицо. – Не надо врать!

-Значит так, Иван Ильич? – зовёт Ольга.

-Я тут, - отзывается Ваня.

-Она должна есть пять раз в день!

Округляю глаза от ужаса, представшего перед глазами. Да я через пару месяцев буду колобком!

-Три основных приёма пищи и два дополнительных. Меню скину в мессенджер. На счёт токсикоза, - опять молчание. – В больницу не надо, но наблюдаем. Если её продолжит тошнить сегодня завтра, значит ложимся. Я приеду через пару дней. Каролина Андреевна?

-Что?

-Вечером мне позвони и расскажи сколько раз ещё ходила на горшок, - даёт указания и прощается.

Я даже не успеваю спросить, как там её буйволы поживают. И поживают ли вообще? Может она их всё-таки прибила.

-Довольны? Идёмте кушать теперь, - огрызаюсь, понимая, что теперь они команда…

Оля, Тай и Ваня – против меня одной! Лёжа в палате, счастливее я не стану, а значит надо есть и выполнять указания…Иначе, не видать мне операционного стола, как своих ушей.

И несмотря на то, что Оля только что согласилась повременить с отъездом в клинику, приняв мою сторону, она может в любой момент встать на сторону мужчин, потому что прежде всего я и мой ребёнок – её пациенты, а уж потом до-

рогие сердцу люди.

Чёрт!

Я ограничилась салатом. Он, в отличии от сочного мяса, решил остаться внутри. Запила фрэшем и ушла в ванную.

Тай и Ваня сидят на кухне, а я, стоя под душем, думаю о своей жизни.

У меня всегда всё не так…Даже семья не стандартная.

Но если честно признаться, их волнение и забота приятна. А то, что заботы в два раза больше вообще заставляет улыбаться, какой-то странной детской улыбкой. Такой, какой раньше обозначалось счастье…открытое, неограниченное, чистое.

Вожу мочалкой по телу. Цепляю чувствительные соски…они стали…гм…ещё темнее. И ореолы увеличились…А животик до сих пор плоский, но какой-то гиперчувствительный.

Всё тело словно сгусток оголённой энергии. Каждая клетка проводит ток и прикосновение намного ярче, даже, когда касаюсь сама себя.

Прикусываю губу, желание накатывает так неожиданно и мощно, что я не успеваю проглотить тихий стон.

Интересно, мои мужчины согласятся на небольшое приключение.

Вздрагиваю от стука в дверь, и убираю мочалку от ноющей груди.

-Да? – отвечаю хрипло.

-У тебя всё хорошо? – слышу голос Ванечки.

Да, Господи-Боже! Швыряю мочалку на полку.

-Да. Всё хорошо. Уже выхожу.

Поднимаюсь по гладкой, глянцевой лестнице наверх, кутаясь в халат.

М-да, надо что-то придумать, потому что Ване будет проблематично спускаться и подниматься каждый день.

На втором этаже, у лестницы небольшое пространство, заставленное цветами. В углу стоит плетённая качель на ножке, внутри кокона подушка, неизменного черного цвета.

Цвет всё же немного угнетает, надо чем-то разбавить всё-таки.

Три двери по периметру закрыты, а четвёртая приоткрыта и из комнаты тянется полоска тусклого света.

Толкаю и…

-Ух, - осматриваюсь. – Круто.

-Нравится? – сдёргивая одеяло с королевских размеров кровати, спрашивает Тай.

-Впечатляет.

С обеих сторон кровати возвышаются полки, набитые книгами, а в самом низу небольшие тумбочки с встроенными ночниками.

Напротив кровати в стену вмонтирован телевизор, по бокам двери. Одна в ванную, вторая в гардеробную. Стеклянную фасадную стену занавешивают белые с серыми вставками шторы.

Всё очень гармонично и красиво. Даже чёрный ковёр на полу не напрягает.

Вглядываясь одним глазом в темноту ночи, вторым наблюдаю, как Тай помогает Ване лечь у края так, чтобы никто из нас не мог ему навредить.

Их забота друг о друге каждый раз заставляет меня восхищаться. Они больше, чем братья…

-Иди сюда, Рыжик, - хлопает по середине кровати Тай.

Забираюсь, очень стараясь двигаться плавно.

Да, я надеюсь, что мне что-нибудь обломиться сегодня…Потому что желание, разожжённое в душе, никуда не делось, оно лишь усугубилось от лощённых, мужских тел.

Тай

Едва Каролина зашла в комнату, стало понятно, что спать мы без ссоры не ляжем.

Мысленно простонав, помогаю Ивану лечь у края, чтобы никто из нас не мог задеть раненную ногу.

Скептично осматриваю огромных размеров кровать…

Не представляю, как мы будем спать вместе.

Конечно, мы с другом в полевых условиях делили не только кровать, но и один спальник на двоих. Но там, между нами, не лежала самая желанная женщина. А совместная ночь была продиктована сохранением тепла…Здесь же…

Чёрт! Это будет не ночь, а мука.

Переглядываемся с Ванькой, понимаем без слов друг друга. И он пока не видит Рыжик, маякует мне, мол идите в другую комнату.

Отрицательно машу головой. Не потому, что не хочу её, или боюсь обидеть друга, а потому что нельзя.

Навредить ребёнку вообще плёвое дело. Каролина ещё не оправилась до конца после аварии. Теперь токсикоз…Для полного пиздеца не хватает только секса.

Нет, уж.

Призываю всю свою выдержку, сглатываю скопившуюся слюну, и ложусь на свою половину кровати.

Рыжая заноза, плавно виляя роскошными бёдрами, идёт

к нам. По взгляду определяю – настроена решительно.

И как тут отбиваться, что ли, мать вашу?

Проклинаю весь мир, потому что несмотря на то, что мозг категорически против, член реагирует по-своему. Он готов и нетерпеливо подрагивает в пижамных штанах.

Маленькая, рыжая ведьма доползает до середины кровати и садится на пяточки. С надеждой и жгучим желанием проходит взглядом сначала по моей груди, потом переходит на Ивана.

Сдерживаюсь благодаря титаническому усилию, а вот Ваня…

-Рыжик, блять, ты издеваешься? – стонет, глядя на то, как она случайно роняет с плеча лямку пеньюара.

-Каролина, - рычу, обжигая взглядом открытые коленки и плечо.

Чёртова соблазнительница!

-Ложись спать, - говорю довольно грубо, словно маленькому, капризному ребёнку, который ни в какую не засыпает.

-Хочу секса! – капризно надувает губки и цепляя тонкими пальчиками, тянет пеньюар.

-Нельзя, - предупреждаю, хотя сам глазами жру нашу девочку.

Идеальная белая кожа, аккуратная грудь, узкая талия и уходящий треугольник между соблазнительных ножек.

Ар-р-р…засранка…

-Пока Оля не разрешит, никакого секса, - отрезает, почти

твёрдо Иван.

Молодец, выкрутился! И почему я сам не додумался?

-Да? – искушающе прикусывает губу, тянется за телефоном.

Тыкая по экрану, поглядывает на бугор в моих штанах.

Ну, да, я не железный! Как вообще можно рядом с ней оставаться в спокойном состоянии?

Хватаю маленькую подушку и прикрываю вздыбленный член. На мою попытку взять себя в руки, демонстративно закатывает глазки и фыркает.

-Оль, привет ещё раз, - весело говорит подруге. Включает громкую связь.

-Привет, ну как ты там? Тошнило?

-Нет. И я даже поела. Чувствую себя замечательно, - отчитывается.

-Отлично. Утром может полоскать, будь к этому готова.

-Угу, хорошо. Оль?

-М?

-А сексом можно заниматься?

В трубке повисает загадочная тишина, лишь на фоне слышны мужские голоса и шуршание.

-Ты знаешь… - начинает нерешительно. А потом начинает хихикать. – Если только на пол шишечки.

-В смысле? – Рыжик задумчиво жует губу, а мы с Иваном переглядываемся, прислушиваясь к разговору.

-Очень, очень аккуратно, без фанатизма и только с одним

мужчиной. Давай, до моего приезда без дуэтов, ок?

-Пфф, - фыркает, закатывая глаза.

-Не пыхти. Кроме секса, есть ещё петтинг. Развлекайтесь без глубокого проникновения, по-старомодному и на кровати, - ржёт блондинка.

-Омг…хорошо, - сбрасывает звонок и поворачивается к вам. Одаривает коварным взглядом и резюмирует. – Без вариантов.

Рыжей кошкой, на мягких лапках, подползает к Ивану и под его шипение, стягивает пижамные штаны.

А мы два идиота надеялись, что благодаря пижаме сможем удержать свои члены в узде.

Стону, глядя на то, как Рыжик обхватывает ствол друга и медленно, с вожделением ведёт рукой. Склоняется, вставая на четвереньки, мягко целует, чем приводит Ивана в восторг. Свист вылетает из груди ещё до первого касания.

Она уже настолько изучила нас, что при большом желании может за пять минут довести до оргазма…Но вся прелесть в длительных стабильных отношениях в том, что и мы знаем, как именно ей нравится.

Розовый язычок нежно порхает над головкой, ласкает уздечку, а я рукой тянусь к подолу сеточки, что зовётся пеньюаром.

Маленькая искусительница…сводит с ума, засранка…

Тай

Сжимаю сочные ягодицы, едва не порыкивая, как зверь.

Внутри что-то разрывается, словно маленькая бомба детонирует и тело переходит на новые частоты. Вибрирует от предвкушения и желания.

Последнее, к слову, накидывает мутную пелену на глаза. Единственное, что остаётся в поле моего зрения это влажная, открытая плоть. Розовая сердцевина блестит в тусклом свете ночника.

Сглатываю скопившуюся слюну и двумя пальцами собираю влагу.

-Чёрт! – как же я соскучился по своей девочке.

Видеть её двадцать четыре на семь, чувствовать рядом, но не иметь возможности прикоснуться – сущий ад!

Тихий, почти жалобный стон вырывается у Рыжика, стоит мне проникнуть одним пальцем в дырочку. С удовольствием смотрю, как рассекают колкие мурашки обе половинки попы.

Сжимаю второй рукой подтянутую половинку и отвожу в сторону. Открываю тугой вход, который в ближайшем будущем будет под запретом… к сожалению.

-Тай… - отрываясь от своего занятия, тихо скулит Рыжик.

Просит без слов, слегка повиливая попкой.

Улыбка сама озаряет лицо в предвкушении, но пока со-

всем не отключился мозг, даю себе уста

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.